

Тимур Рымжанов
Пророчество льда

«АСТ»

2008

Рымжанов Т.

Пророчество льда / Т. Рымжанов — «АСТ», 2008

Принц-бастард Хаттар по прозвищу Господин Метель. Лишний во дворце отца, где и без него хватает претендентов на корону Северных земель... Он неудобен и не нужен. Он не желает ввязываться в семейные интриги и заговоры. Он вполне доволен своим положением наместника маленькой заштатной горной провинции, где можно полностью посвятить себя с детства любимым занятиям – оккультизму и магии. Но именно глубины магического искусства раскрывают для Хаттара тайну его истинного назначения в этом мире. Господин Метель бессмертен. Более того, он находится под личным покровительством самого Бога Смерти Сина, коего однажды приютил в своем доме. Однако истинная его природа – вне пределов его родного мира, где-то среди бесчисленных отражений его личности. Когда же Хаттар обретет полную Силу? Возможно, когда душа его сольется с душой «отражения» – байкера Алексея из мира Земля? В сборник вошли фантастические произведения «Господин Метель» и «Потусторонним вход воспрещен».

© Рымжанов Т., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Господин Метель	5
Часть первая. Наместник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Тимур Рымжанов

Пророчество льда

Господин Метель

Череда реальностей – это короткий миг сна.

Часть первая. Наместник

Хаттар сидел на огромной плите, под балконом сторожевой башни. Серый гранит этих величественных стен, нагретый на жарком осеннем солнце, стал для него любимым местом. Здесь, на самой высокой из турелей древней обители, он нашел себе надежное убежище от издевок и подзатыльников старших братьев и сестер, не желающих признавать в нем родственника. За долгие летние месяцы его кожа потемнела, а волосы, и без того светлые, выцвели. Серые глаза слились в единое целое с белком, оставив только маленькую бусинку зрачка. Он не был похож на остальных. Слишком выделялся не свойственным его возрасту высоким ростом и какой-то болезненной худобой и бледностью. Хотя здоровье его было отменным, если не сказать большего.

Хаттар любил солнце и прохладный горный воздух. Ему нравился его пряный запах, свежий и терпкий одновременно. С высоты смотровой площадки он любил наблюдать за тем, что происходит вокруг, словно дозорный, подолгу всматриваться в даль на убегающую желтую ленту дороги, на пустынные предгорные кряжи, на дальнее озеро, увлеченный своими собственными мыслями и мечтами. Сверху хорошо было видно всю суету хозяйственного двора, куда его старшим братьям ходить запрещалось. Многочисленные гувернеры и няньки, воспитатели и слуги строго соблюдали княжеский этикет и не подпускали отпрысков благородных кровей, к простому люду. Тем более что находиться там долго было затруднительно. Особенно когда скотники начинали чистить конюшни, свинарники и псарню. А на высоту наблюдательного пункта, который облюбовал себе Хаттар, запахи просто долетали уже не такими насыщенными, как это ощущалось внизу. Так он мог видеть все, оставаясь практически незамеченным, очень долгое время.

Конечно же, больше всего ему доставалось от братьев за то, что благодаря наблюдательному пункту, молодым и натренированным глазам он всегда первый замечал скачущего по дороге гонца, караван торговцев или бродячих музыкантов. Первым рассказывал придворным и родственникам. За это от взрослых он получал угощение, медную монетку или просто похвалу. Прочим княжеским деткам его ставили в пример, отчего жизнь в их обществе становилась просто невыносимой. Общих интересов никак не находилось, братья игнорировали и шпыняли его, сестры посмеивались над его внешностью и все время дразнили, называя снежным чучелом. Он не обижался. Родичи с переменным успехом пытались объяснить ему, почему он не такой, как все, но он не понимал. Наверное, если бы он помнил свою мать, все было бы проще, но ее он никогда не видел, а рассказы о ней были редки и скудны.

Наложница князя, дочь некогда могущественного короля древнего северного народа Ур-Гачи, подарила своему господину единственного сына, который был похож на нее во всем. Но сама не успела даже подержать на руках свое чадо.

До заката было еще далеко. На заднем дворе суетились егеря, готовились отправиться на охоту. С отцом, которого Хаттар должен был называть не иначе как господин. И с многочисленными дядюшками, которые именовались коротким, но емким словом «дане», означающим

«уважаемый». Дане Михрель, дане Антуан, Думар, Гилермо и прочие, имен которых запоминать не стоило. Можно было обойтись словом «дане». Не дядюшка, не господин, только дане.

Словом, все эти данены явно собрались на охоту. Вот уже и подросли кавалеристы – лучники, отборные стрелки из расквартированного в городе полка. Это на тот случай, если хмельные дворяне промахнутся: всегда есть кому подстраховать. Всадники не покидали своих седел и все время умирляли коней, раздраженных близостью псарни. Собак уже перевязали на длинные поводки и готовили вывести по первому же приказу.

Хаттар скучал. Ему была неинтересна эта лихорадочная суэта и толчея. Он наблюдал ее вот уже много лет чуть ли не каждую неделю. Менялись декорации, а пьеса, которую играли эти актеры, была одной и той же.

У Хаттара сегодня был день рождения, ему исполнилось девять лет. Никто этого не помнил. Да и сам он не выделял этот день среди прочих, так его приучили. Он просто знал, что сегодня день, в который девять лет назад он появился на свет, не более того.

Ему сейчас хотелось только одного, чтобы вся его родня быстренько смылась по своим делам и предоставила в его распоряжение некоторые комнаты библиотеки, которые почему-то переоборудовали под зал для занятий фехтованием – наверное из-за ее необъятных размеров. Как будто в этом древнем замке было мало мест, где можно спокойно крушить мебель, ломать мечи, копья и доспехи своих противников. Библиотека отца была самым загадочным местом во всей крепости. Маленькому Хаттару она казалась безграничной и бесконечной. Там всегда было темно, пахло пылью и чем-то пряным. Чтобы бывать там, ему приходилось воровать в зале совещаний огарки свечей, затем тайно пробираться к жертвеннику, куда детей не пускали, и совершать святотатство, зажигая огарки от светильников алтаря. Затем он проникал в залы библиотеки и бродил там часами, изучая древние фолианты, о которых все давно забыли. Спасибо кормилице, которая научила его читать. Благодаря ее терпению и заботе маленький Хаттар мог самостоятельно выбирать книги и уносить их в свою комнату. Свечи горели быстро, и ему никогда не удавалось добраться до конца этих залов. Он вообще не знал, где они кончаются. В темноте сложно было определить расстояние, а эхо путалось среди бесконечных полок и шкафов, сундуков и туб. Иногда ему казалось, что он уходил очень далеко и возвращаться придется несколько часов, что он попал совсем в другое место и теперь находится где-то в промежутке, на границе таинственных миров. Там уже не было привычных звуков, суеты прислуги, к которым надо было все время прислушиваться, напрягая и без того чуткий слух. Пространство становилось бесконечным и загадочным, чужим. Наверное, все это было не больше чем детские страхи и фантазии. Ему очень хотелось найти место, где нет ничего, кроме собственных образов. Это был его секрет, все остальные либо боялись заходить в библиотеку, либо не имели интереса к собраниям пыльных манускриптов и полусгнивших книг.

На втором этаже открылось окно, и на широком мраморном подоконнике появились трое старших принцев. Марк, Виктор и Саул. Они стали наперебой кричать всадникам, кружившим по двору:

– Дане Михрель! Дане Антуан! Возьмите нас с собой! Мы тоже хотим добыть кабана!

Ответом им был только громкий хохот и издевки родственников. Надо сказать, старшие принцы переносили довольно стойко, уверенные в том, что никто из малышни, и особенно девчонки, не присутствует при том, как их публично позорят. Разумеется, о том, что Хаттар наблюдал за ними со своей башни, они не подозревали. Никто не знал об этом уютном пятачке, а сам младший принц, приближенный к князю, соблюдал особую осторожность, чтобы не выдать этого места.

После очередной неудачной попытки напроситься на охоту принцы обычно отправлялись в тренировочный зал – еще более усердно лупцевать друг друга деревянными мечами и стрелять из игрушечных луков и арбалетов. Настоящего железного боевого оружия им в руки не давали. Зачинщиком дуэлей и состязаний всегда был Виктор, а остальные старались не отста-

вать и не перечить самому старшему и сильному. Виктор был единственным, кому взрослые разрешали присутствовать при обсуждении важных государственных дел, военных планов и при светских беседах. Виктор был в фаворе у придворной знати, многие представители которой возлагали на юного принца большие надежды.

Хаттару вдруг показалось, что ветер вдруг подул немного сильнее, и словно крылья ударили по жаркому воздуху, у него за спиной. В застывшем мареве дня что-то изменилось, сдвинулось с места.

За спиной Хаттара скрипнул тяжелый люк, ведущий наверх из стрелковой комнаты. Деваться было некуда. Ни спрятаться, ни сбежать. Хаттар остался неподвижен и, как мог, удерживал себя от нестерпимого желания обернуться. Просто он не мог решить, почудилось ли ему это или происходит на самом деле. Послышался сдавленный, зажатый кашель и хриплый голос.

– Прошу меня простить, молодой господин, я не знал, что здесь кто-то есть. У меня и в мыслях не было вас беспокоить.

Хаттар уже понял, что ничего страшного не случилось. Он быстро успокоился. Сдержал участвовавшее вдруг дыхание и медленно, даже как-то лениво повернулся.

Перед ним стоял кузнец. Это был еще не старый человек, высокого роста, с телосложением хорошо тренированного солдата. Все называли его Ур, по горному племени, откуда он был родом. Его собственное имя для жителей долины казалось чрезмерно длинным и трудным в произношении. Будь он хотя бы десятником в полку, его бы старались называть по имени, а простолудин, да еще и временно привлеченный для работ в замке, он, конечно, был просто Ур. Безликая серая тень, неотличимая среди своих сородичей, которых здесь было множество.

– Ты можешь остаться и сделать то, что собирался.

– Спасибо вам, молодой господин. Еще раз простите, что потревожил.

Хаттар не ответил, он просто не знал, что следовало говорить, а в таких случаях он всегда отмалчивался. Это раздражало старших, и ему за его молчаливость здорово доставалось.

Ур прошел дальше, к крюкам, где должны крепиться катапульты. Что он там делал, видно не было. Гремели какие-то железки, звенела цепь. Кузнец что-то долго забивал тяжелым молотом, потом притих.

Хаттар сгорал от любопытства и от желания подойти ближе и посмотреть, что же там происходит, но не делал этого, и не из-за своей надменности или чванства: он никак не мог придумать вескую причину, чтобы обратиться к кузнецу первым. Но тот, похоже, опередил его.

– Сегодня у молодого господина большой праздник. Примите мои поздравления, и пусть милостивые духи подарят вам силу и здоровье. И оградят от всяческих бед, принесут удачу и мудрость.

– Откуда ты знаешь?

– О, молодой господин, я помню этот день очень хорошо. Такое нельзя забыть. Ровно в тот день и час, как вы родились, было самое разрушительное землетрясение на моей памяти, да и на памяти моих предков, пожалуй. А холода-то какие стояли, не в пример нынешнему затянувшемуся лету. Вот почему наш господин отправился в этот старый родовой замок. Он достался ему в наследство от вашей матери, княжны Ателли.

– Ты знаешь, что случилось с моей мамой?

– Немногим позже вашего появления на свет, мой господин, она отправилась в царство теней. Южный климат был всегда ей нежелателен, уж очень много сил он высасывал из нее.

– Я ее совсем не помню.

– Вы тогда были слишком малы, и вас сразу отдали кормилице, материнской ласки вам больше не досталось. Если пожелаете, господин, то в честь праздника у меня есть для вас подарок. Не считите за дерзость, но это самое дорогое, что у меня есть.

Ур достал из складки своего кожаного фартука небольшой сверток. Что-то завернутое в грубую крапивную ткань.

– Это клинок, мой господин, старинный клинок. Мне он ни к чему, я все равно не умею владеть оружием, да и не оружейник, чтобы продать, но вам он может пригодиться.

Трудно было себе представить, чтобы этот человек не смог воспользоваться мечом или копьем. Племена Ур всегда были очень воинственны. Но не верить ему Хаттар не мог и потому пропустил мимо ушей это утверждение.

У него намokли ладони и предательски затряслись колени. Воздух стал влетать в легкие какими-то рывками, в груди все сжалось. Удерживать эмоции было тяжело. Гораздо тяжелее, чем когда он злился и терпел побои братьев. Но внешне он остался невозмутим и спокоен.

– Благодарю тебя, Ур. Я приму твой подарок. – Голос предательски дрогнул, но Ур сделал вид, что не заметил этого и вежливо попрощался.

– Всего вам хорошего молодой господин.

Кузнец старательно избегал смотреть Хаттару в глаза. Как и все остальные, слуги и родня. Он положил сверток у его ног и, пятась и согнувшись в поклоне, дошел до самой лестницы. Быстро спустился вниз и захлопнул за собой люк.

Даже когда вокруг никого не стало, Хаттар продолжал сдерживать себя, чтобы не расплакаться. Ему вдруг стало грустно, и навернулись слезы. И не потому, что, кроме этого кузнеца, никто не вспомнил о его дне рождения. И даже не из-за подарка, который стал первым в его короткой жизни. А просто от одиночества.

Внизу стало тихо. Ни на дороге, ни во дворе всадников не было видно, и это значило, что они отправились в ущелье, которое не разглядеть даже с этой башни. Старшие принцы тоже угомонились и исчезли где-то в глубине комнат и залов.

Хаттар расслабил спину, слегка ссутулился, присел на корточки перед свертком и подтянул его поближе. Сверток оказался тяжелым. Под грубой и затертой холстиной виднелись тесненные ножны. Недешевая была вещица. Клинок в руках Хаттара казался просто огромным. Он с трудом выдернул его из ножен и с удовольствием стал рассматривать бледно-голубую сталь, сверкающую на солнце.

Потом, когда взрослые спрашивали его, откуда появился этот клинок, он говорил всем, что это подарок, но никогда не упоминал, от кого. Ведь кузнец Ур бесследно исчез сразу же после того, как встретился с ним на башне. Никто толком не мог вспомнить его имя и откуда он пришел. Словно и не было человека вовсе.

* * *

Я помню это, словно все происходило со мной вчера. Этот едкий, чуть кисловатый запах дубленой кожи на ножнах, эти выкованные из серебра пряжки и кольца. Гравировка на лезвии. Древние знаки, которые мне так и не удалось прочесть. Все было как вчера.

Больше десяти лет прошло, а я до сих пор так и не смог понять смысла этих надписей до конца. Я носил клинок с собой и в который раз показывал тому или иному ученому, казавшемуся мне тогда авторитетным. Переставлял местами буквы, читал слова в обратном направлении, но ничего осмысленного так и не получалось. Тем не менее этот подарок в дальнейшем изменил многое в моей жизни. Вместо того чтобы учиться фехтованию на мечах и копьях, как мои старшие братья, я освоил искусство владения коротким клинком – не самое популярное в этих краях, но более эффективное и сложное. Отец тогда заметил мои усилия и нанял неплохого учителя специально для меня. Учитель был маракарцем, плохо говорил на местном наречии, но мы быстро нашли общий язык, сотканный из подзатыльников, муштры и замысловатых притч. Он преподавал мне уроки, которые словно были придуманы специально для меня. Все движения, все стойки и развороты – все было для моего тела так органично, что в последствии я не стал отказываться от этого короткого кинжала и смог доказать многим, что в бою это оружие не уступает длинному мечу, а иногда и превосходит его.

Мой дом стоял высоко в горах. Это была простая хижина сложенная из буковых бревен, с черепичной крышей. Поскольку древесину завозили издалека и стоила она очень дорого, это могло расцениваться как роскошь. В центре большой комнаты располагался очаг без дымохода и боковых стен. Дым от огня поднимался прямо в дыру, устроенную в крыше. Когда-то это был охотничий домик князя в далекой горной провинции, задолго до моего рождения. С того времени здесь ничего не изменилось. Я лишь добавил немного мебели и сундук со своими пожитками. Так как княжеский трон мне не достался, а претендовать на него было не безопасно, я попросил этот домик для себя и долгое время не покидал его, несмотря на то, что рядом находились крепость и небольшой каменный форт, который все еще можно было привести в порядок и благополучно там устроиться.

Старшие братья правили страной с попеременным успехом. Они боролись за власть и положение в своих поместьях, но для меня все эти проблемы теперь просто не существовали. В конечном счете Виктор смог убедить многих родственников встать на свою сторону и захватить власть в свои руки. Я отказался участвовать в его грязных играх. Довольствовался статусом наместника и на большее не претендовал. Да и обязанности смотрителя здешних, таких отдаленных земель были не очень обременительны. Проще говоря, я был предоставлен сам себе. Земли мои были скудны и малонаселенны. Только в долине расположился уютный, но очень маленький городок-крепость, где проводилась ежегодная ярмарка и раз в месяц открывалась рыночная площадь. Трудолюбие граждан, разумное налоговое бремя и никаких грабежей, благодаря сильной армии и ополчению – все это сделало жителей зажиточными и послушными.

Были там и ремесленные лавки, и небольшой жертвенник. Но жизнь в этом городке меня не интересовала. Все местные проблемы решал станичник, а я лишь навещался с проверками, да и то редко. Чаще всего зимой, с первыми холодами, когда становилось скучно сидеть в доме, а путешествовать по горам и перевалам становилось опасно. За эту мою особенность – появляться с первыми холодами – крестьяне, а потом и их хозяева называли меня Господин Метель. Прозвище мне нравилось, и я всячески старался ему соответствовать.

Слуг у меня не было. Старая вдова Ахтарина готовила для меня еду, и ее приносил в мой дом ее племянник. Ахтарину, в свою очередь, снабжал всем необходимым сам глава совета, староста. Это давало ей возможность хоть как-то скрасить свою старость и не утруждать себя непосильной работой. Жить в этих местах без тяжелой работы, которую могли выполнять только сильные и здоровые люди, было трудно. Она могла бы прясть овечью шерсть, которой было предостаточно, но с возрастом руки ее совсем не слушались, а глаза и вовсе отказывались видеть.

Сегодня я собрался навестить город. Как всегда в это время года. Оседлал коня и накинул зимний плащ с хорошей войлочной подкладкой. Хоть день и был солнечным, у горных вершин собирались тяжелые облака, а это значило, что к вечеру погода вовсе испортится.

Лишнего оружие брать с собой не стал, только, как всегда, неизменный клинок, закрепленный на широком поясе так, что потерять его было невозможно.

Дорога под гору не очень утомительна. Конь шел спокойно, осторожно ступая по каменистой насыпи. Я почти дремал, сидя в седле, и лишь изредка поглядывал на открывающуюся передо мной долину. Тучи за моей спиной сгущались и не сулили ничего хорошего. Прохладный ветер упруго давил в спину. К полудню он нагреется в теплом ущелье и, сменив направление, снова будет попутным, если я соберусь возвращаться. Может, он разгонит облака?

Сразу за городком тянулись фруктовые рощи, благодаря которым и существовала эта маленькая провинция и ее крепость. Все подступы к этим землям преграждали высокие горы, и только две дороги, одна через перевал, другая через засушливую степь, вели сюда. Мой дом как, раз находился на южном склоне этого перевала.

Узкие улочки были пустынно и тенисты. Выложенные слегка отесанными камнями заборы, чуть выше человеческого роста, отделяли один двор от другого, и поэтому солнечный свет попадал в эти узкие проходы только в полуденные часы, летом там было довольно прохладно. Я выехал на главную площадь, окруженную со всех сторон лавками мастеровых, туда, где обычно устраивались ярмарки и проходили городские собрания. Еще там проводили публичные казни, но это до моего появления. Когда я взялся за дела этой провинции, казни прекратились сами собой. Площадь была пуста. У лавки сапожника сидел какой-то старик, который, завидев меня, соскочил со своей скамьи и согнулся в почтительном поклоне. Откланявшись, он поспешил скрыться, шмыгнув в узкий переулок. Помчался докладывать соседям о моем появлении.

У дома старейшин дежурил мечник. Здоровенный детина с кривыми зубами и взглядом человека, не задающего праздных вопросов. Такие мордвороты обычно легко и без пререканий выполняют любой приказ своего десятника.

Здоровяк приподнял от земли свой двуручный меч и, склонив голову, отсалютовал, звонко ударив клинком в мостовую. Могу себе представить, сколько он получил затрещин, пока выучил это короткое приветствие.

Я проехал мимо, не утруждая себя даже поворотом головы в его сторону. Мне хотелось выпить, а хорошее вино делал только один человек в этом городе, отставной офицер Саматар. В его доме часто собиралась местная знать – оценить вино нового урожая и сравнить его со старым. Но этот день наступит еще не скоро.

Саматар встречал меня у ворот. Плотный шелковый халат до самой земли, голова не покрыта. Его лицо покраснелось – видимо, от чрезмерного напряжения, пока он раздавал приказы сонной прислуге и дворовым. Наверное, давно меня заметил на холме у главных ворот. Словно бы только и делает, что ждет моего появления, старый лис.

– Я заметил вас, господин, сразу, как только вы появились на дороге. Мой дом всегда открыт для вас, мы всегда рады вам, господин.

– Полно тебе Самат. Хватит. Ты же знаешь, что к тебе я езжу как к другу и твой хлеб и вино – не единственное что мне нужно. Расскажи мне, какие новости в этом городке. Уверен, что ни одно событие не проскользнет мимо твоих ушей.

– Господин по-прежнему не доверяет своему старосте?

– Староста хорош, но его мнение всегда однобокое. А я люблю все новости, а не жалкую выжимку.

У Саматара было восемь дочерей. Поначалу он переживал, что некому будет оставить свое наследство и большая часть накопленного им богатства уйдет на приданое. Но его вторая жена пять лет назад родила ему сына, отчего старый вояка, похоже, помолодел, и радости его не было предела.

Сейчас он вошел во двор, ведя моего коня под уздцы и разгоняя резким шиканьем любопытных дочурок. Те быстро разбежались по многочисленным комнатам его огромного дома.

Меня провели в большой зал, застеленный коврами и мягкими подушками с ароматными травами. В центре зала стоял уже накрытый стол.

– Прошу вас садиться, мой господин, вы такой редкий гость, что я никак не нарадуюсь встречам, потом подолгу вспоминаю наши беседы.

– Хитрец! И не стыдно тебе? Не в замке же живешь. Незачем лить столько меда.

– Это правда, господин, истинная правда, я действительно очень рад. Сами знаете, дела мои сейчас не очень, яблоневые сады уже не приносят прежнего дохода, вино все грубеет, дочери подрастают, а благодаря вашим визитам – в мой дом даже прежде, чем в дом старосты – отбоя нет от женихов, один другого лучше. Как же мне не радоваться вам? Отпрыски всей местной знати вьются у моих ворот.

– Да, дочек нынче пристроить не так-то просто. Женихи все на службе у князя. Слышал я, что мой брат опять засылал вербовщиков в наши земли?

– Князь Виктор совсем обезумел, да простят мне духи мой змеиный язык, но похоже, что он затеял новый поход.

– Это все слухи, или ты знаешь что-то еще.

– Так, наблюдения. Не хотел бы оказаться прав, но похоже, что не заладились у него отношения с самим Мараком! Да проклянут духи это имя!

Самат разломил хлеб, выложил на тарелку передо мной ломтики вареного мяса и желтый сыр. Наполнил кубки вином и продолжил:

– Оружейник заметил, что приходят в город два-три каравана в неделю и скупают много оружия. Тихо, без лишней суеты и шумихи. Все платят золотом, причем монеты все словно только что отчеканены. Золото, надо сказать, позорное, совсем красное, но и такое годится. Да и караванчики торгаши промашистые, совсем не опытные. Рекрутов действительно собирают по всей округе. Трактирщик даже специальный столик держит для вербовщиков. А староста, люди говорят, берет с них плату и закрывает глаза, что те подвыпивших батраков от землевладельцев уводят. Шамуш своих рабочих в красильне так и держит, и бараки им построил, и денег добавил, лишь бы не уводили у него работников.

– Ну, сегодня-то посланники Виктора за городом будут отсиживаться. Мне на глаза попадаться им не резон, вмиг руки не досчитаются.

– Это уж верно, сегодня тихо будет. Может, сказать Шамушу, пусть выпустит красильщиков? А? Что скажете, господин? Надолго вы к нам?

– Да, пожалуй, что и до утра. Скажи, пусть отпускает. Отправь слугу. А что касается ссоры Виктора с Мараком, то это еще неизвестно, кто кого, хотя я скорее поставлю на Марака.

– Ой, ой, господин, не дай бог опять война. Слышал я еще, что камень-князь Андрей собирает в своих степях большое войско и вроде как тоже хочет встать против бессмертного.

– Андрей! Камень-князь! Его войско сильно, но мериться силами с самим бессмертным... Право, скажу, Андрей всегда был немного безумен. Ты знал, Самат, что он двоюродный брат моего отца...

Мы с Саматом сплетничали до наступления темноты. Я ждал полуночи. Это было моим любимым временем суток, когда следовало проводить проверки. Староста аж зеленел от злости, когда я заявлялся пьяным в его дом глубокой ночью, в снегопад, который свалился на город. Но терпел. Терпел и вел себя почтительно. Я хоть и владел мечом на уровне новобранца, башку мог оттяпать легко, попробуй кто из ставленников Виктора мне перечить. Не чувствуя особых угрызений совести, быстро решу все проблемы. Таковы были суровые правила, уставленные еще моими предками. Они, чуть что, сразу рубили головы или руки своим подчиненным. Я не злоупотреблял этой своей привилегией, но были случаи, когда мне приходилось это делать. Как со сборщиком налогов, который брал большую, чем положено, плату с арендаторов и владельцев скота. Причем говорил всем, что это новый указ наместника. То есть мой указ! Вот за эту его самодетельность он с рукой и расстался. А попробовал бы заорать или вымолвить хоть слово проклятия, лишился бы и языка.

Наутро вся долина укрылась белым, еще тонким одеялом первого снега. В этом году слишком рано, но урожай крестьяне собрать успели. Ранние заморозки уже не могли испортить веселье на предстоящем празднике солнечных богов и духов плодородия. Проснулся – и сразу же насторожился, оттого что почувствовал в комнате чье-то присутствие. Это старшая жена Самата, стараясь остаться незамеченной и тихой, пришла, чтобы развести огонь в очаге. Себя я обнаружил укрытым дорогой шубой из великолепного белого меха горного волка. В голове немного шумело, но чувствовал себя неплохо. Женщина увидела, что я проснулся, и немного смутилась.

– Простите господин, что разбудила вас, на улице такой холод, что мне пришлось развести огонь. Попробуйте еще уснуть, час ранний...

– Не беспокойся. Я уже не хочу спать.

– Принести вам что-нибудь?

– Нет.

Ночью я долго ходил по городу от одного дома к другому. Как и обычно, уже за полночь, я навестил особняк старосты. Пробыл у него часа два, а потом вместе с ним отправился проверять караулы на городских воротах. Капитаны и прочие вояки помельче в эту ночь получили от меня хороший нагоняй и, наверное, до утра не могли со всем этим разобраться. Если учесть тот факт, что, сидя с Саматом, выпить мало не получается, то у военных и чиновников сейчас трясутся поджилки. Они как казни ожидают моего нового появления. А я вот возьму и не появлюсь.

Пусть боятся. Когда тебя боятся и ненавидят чиновники, опасайся предательства. Когда тебя ненавидят рабочие и крестьяне, берегись бунта. Крестьяне меня терпели и побаивались. Чиновники боялись откровенно, но раболепно прогибались только те, которые были поставлены моим старшим братом. Великим князем Виктором. Правда, не припомню я что-то за ним подвига, чтобы он стал вдруг великим. Да, случился один мелкий конфликт. Раскрыл он как-то заговор во главе со своим дядей. Лютовал, бесился и зверствовал. Тем не менее теперь в его титуле употреблялось слово «великий», и горе тому, кто забывал присовокупить его к имени князя, – гвардейцы неусыпно следили за этим.

Суть в том, что интриг и предательства я тоже не боялся. Просто некому было меня предавать. Ремесленники меня уважали, так же как купцы и промышленники. Местная знать всегда была настроена критически к княжескому дому. А я хоть и был сыном князя, в данном случае все решала кровь моей матери, о которой в здешних краях вспоминали чуть ли не как о воплощении доброго духа.

Так что вся знать, вплоть до самых бедных фамилий, была рада, что им достался такой тихий и не очень-то воинственный господин.

Я вышел во двор. Шуба оказалась очень кстати. Мороз ударил крепкий, но ближе к полудню жаркое солнце растопит тонкий снег. Дороги станут просто непроходимыми. А до вечера я никуда не буду торопиться.

Вдыхая морозный воздух, я всматривался, как высоко в небе парит выпущенный кем-то на охоту боевой ястреб. Кацаари. Птица, с незапамятных времен ставшая спутником воина. Он летел медленно и красиво. Он не спешил, птица-воин...

Вода в колодце была теплей, чем воздух. Возможно, что на такой глубине она еще не успела остыть, но когда я плеснул ее себе в лицо, то тут же заструились тонкие змейки пара. Колючий ветер стал кусать за влажную кожу, и это взбодрило.

Самат шел не спеша, размерено. В руках у него был тяжелый двуручный меч без ножен. Широкая грудь часто колыхалась от глубоких вздохов. Щеки покраснелись, а на висках застыли капельки пота.

– Уже проснулись мой господин? Доброе утро. Не желаете размяться перед завтраком? Я делаю это каждое утро, чтобы не потерять форму.

В ответ на такое предложение я только плотнее запахнул шубу и соорудил недовольную гримасу. Но Самат не унимался:

– Ну же, господин! Покажите, как учат воевать благородных людей. Преподайте урок старому вояке.

– Самат. Не дразни. Мне совсем не хочется совершать никаких телодвижений, такое лирическое настроение, а ты, со своими саблями, взял и все испортил.

– Прошу простить меня, господин, но коль уж я зашел так далеко, то и нет смысла останавливаться. Защищайтесь!

Самат поднял меч и молниеносно подался вперед. Удар этот был не сильный, но достаточно эффективный. Хотя и простой, рассчитанный, скорее, на тяжелого мечника в доспехах, неповоротливого и рыхлого.

– Старый ты воюка, лихости много, а мозгов совсем не нажил к старости. Не надоело тебе еще ломать железо?

Естественно же, что таким примитивным ударом меня не стоило даже беспокоить. Чтоб не попасть под смертоносное лезвие, а Самат всегда упражнялся с настоящим, боевым оружием, мне стоило просто отойти чуть-чуть в сторону.

– Я, мой господин, буду считать себя живым, пока смогу удерживать меч в своих руках. Иначе мне незачем жить.

– Кстати, о мече. У тебя тяжелый штурмовой меч, а у меня только кинжал.

– Уж лучше бы у вас был меч, ну или копьё, тогда у меня был бы хоть какой-нибудь шанс.

Самат снова изготовился к атаке, сжал рукоятку до скрипа и рванул вперед. Возможно, мне показалось, но в какое-то мгновение в его глазах я увидел ненависть и ярость, граничащую с безумием. Я позволил проделать ему только половину приема, мощный замах справа, а далее предполагался сокрушительный удар наискосок, от которого не так-то просто было увернуться, но его не последовало. Я оказался рядом быстрее, чем он смог предугадать мои действия. Слегка толкнув Самата грудью в левое плечо, я заставил его потерять равновесие, а чтобы он не смог его быстро восстановить, приставил к его пухлому животу свой клинок. Свободной правой рукой я придерживал кончик его меча двумя пальцами, у него за спиной. Теперь любое его движение повлечет за собой проигрыш, как, впрочем, и неподвижность тоже.

– Великие духи! Ну что за мастерство, право! У господина даже дыхание не участилось, стоит все такой же сонный. А взмыленный противник пришпилен, как букашка. Надеюсь, клинок не отравлен?

– Не помню. Может быть, да, а может, и нет. Ты проиграл.

– Неужели! У кого-то были сомнения?! Поединок с вами – это все равно что факелом против северного ветра.

– И ты туда же! Мало мне, что все в городе меня называю Господин Метель, теперь и ты.

– Все очень просто. Вы бываете в городе редко и предпочитаете появляться только тогда, когда дует холодный ветер с гор. В это время как раз поспевают первое вино. Несколько раз вы являлись с первыми заморозками, и теперь, как только начинает холодать и дует метель со снегом, все говорят: «Вот и ветер с гор, скоро явится наш господин и принесет в долину снег». Кто еще кроме меня скажет вам об этом? Да и внешность ваша к этому располагает. В наших краях редко встретишь помеченного духом.

– Всем не дает покоя моя внешность. Как примитивно. Я знаю из рассказов купцов, что в далеких землях есть много таких, как я, людей, целые племена.

– Думаю, что все это сказки. У вас белая кожа, волосы как снег, словно седые, глаза как у слепца, но вы видите лучше, чем некоторые дозорные на башнях. Это, без всяких сомнений, метка духов, не иначе.

– Пусть так. Мне все равно. Есть хочу.

– Все что пожелаете, мой господин.

– Ты забыл добавить: Господин Метель.

– Ну, разумеется, как скажете...

– После завтрака я хотел бы отправиться в лавку оружейника. А сейчас хочу подогретое вино, копченые змеиные спинки, сыр и овощи.

– Все уже готово.

Я лишь на мгновение приоткрыл полу шубы, чтобы уместить свой любимый клинок в ножнах. Быстрым и заученным движением, без единого звука. Молниеносно, не выражая при этом на лице ни одной эмоции.

Как говорил когда-то мой учитель фехтования: «Эмоции – это тоже твои враги, иногда их не принимают в расчет и дорого платят за это. Так вот, чтобы не делать такой ошибки, разберись с этими врагами сразу. Не дожидайся, пока они найдут себе союзников».

Когда мы вышли на рыночную площадь, то увидели там большое скопление народа. Посреди толпы стоял разноцветный фургончик, крытый плотной парусиной, подлатанной в некоторых местах лоскутами кожи. Люди стояли тихо, стараясь не шуметь. Меня это немного удивило. Такой чудесный день, в город приехали артисты со своим балаганом, а люди не веселятся и не просят от актеров фокусов или клоунады. Самат стал раздвигать толпу на моем пути, но, почуяв возню за спиной, люди тут же оборачивались и расступались, сгибаясь в поклоне.

– Что происходит? – спросил Самат, грозно выступая вперед над притихшей и согбенной толпой. Я стоял позади бледной тенью и только наблюдал.

На земле, поверх стеганого одеяла, лежал человек. Он был мертв. Это не вызывало никаких сомнений. На нем был длинный шерстяной халат, а на голове и шее был намотан шарф. Кожа его была бледной и пористой оттого, что умерший часто пользовался мелом, чтобы выбеливать лицо. Он лежал, закатив глаза к небу, а рядом с ним на коленях стояла молодая женщина. Крепкий юноша выглядывал из-за ее спины.

Женщина подняла на меня заплаканные глаза, и я невольно отшатнулся. Опять это странное чувство овладело мной, словно крылья невидимой птицы всколыхнули воздух. Я видел ее глаза, словно отраженные в воде. Сквозь кривое зеркало. Облик ее плыл и менялся, черные волосы вдруг становились будто седыми, светлыми, солнечный луч отражался в капельках слез, причудливо играя оттенками. Мне было знакомо это лицо!

– *Хаттар!*

– Простите, господин, мы бедные артисты, ночью снегопад застал нас на горном перевале, и мой отец сильно перемерз и умер. Там было так холодно. Не гоните нас из города, господин. Мы дадим представление, и этих денег нам хватит, чтобы достойно похоронить отца.

– Не беспокойтесь. Никто не посмеет выгнать вас отсюда. Мало того. Я разделяю вашу утрату и желаю покровительства духов вашему отцу. Вот возьмите золото. Совершите обряд. Я даю вам разрешение похоронить отца на городском кладбище, как горожанина. Стража!

Из толпы выскочил молодой солдат и, как и положено, отсалютовал коротким мечом, разгоняя вокруг себя толпу.

– Я дал этой женщине деньги, теперь она под твоей охраной и опекой. Пока не пожелает покинуть город. Проследи, чтобы жрецы в храме приняли ее и чтобы никто не посмел посягнуть на ее право прощания. Ты понял мой приказ?

– Да, господин. Я все сделаю.

– Капитану скажешь, что получил приказ лично от меня.

Женщина согнулась в поклоне, припав головой к холодным камням:

– Вы очень добры к нам, господин, пусть духи хранят вас от всех бед.

Самат стал расталкивать людей, восклицая:

– Представление будет позже, а сейчас расходитесь или помогите артистам, глазеть тут не на что!

Когда мы пересекли площадь, Самат возбужденно сказал:

– Господин, вы дали этим бродягам три золотые монеты!

– Да.

– Но стоит ли так привечать весь этот сброд?

– Сейчас спокойные времена. Нет войн и смуты, но случается и наоборот. Не так ли?

– Не понимаю, о чем вы?

– Ты когда-нибудь видел, чтобы армейские офицеры препятствовали выступлению артистов в стане?

– Нет, это обычно. Поддержка боевого духа, веселье. Их даже кормят бесплатно.

– Вот видишь, а ты спрашиваешь, зачем я дал им столько денег. Деньги все равно большей частью останутся в городе, а вот если в следующий раз я спрошу их, не встречался ли им по дороге конный отряд с флагом моего старшего брата? Будут они мне врать? А если в другом городе их спросят, как встретили их в северных землях? Будут они врать?

– Да, господин, даже если и будут врать, то не во вред вам.

– Бродяги, странники, владельцы караванов, кочевники – все они должны быть желанными гостями. Где древнее гостеприимство?! Только в отдаленных селеньях! Если у бродяги не хватает денег на хлеб, пусть трактирщик даст ему хлеба в долг. А если не получит этого долга, то пусть забудет о нем. У нас есть налог на рабов. Верно?

– Да, господин. Это если у меня больше десяти невольников, то я должен платить налог, по золотой монете за каждого в год.

– Теперь ты же сумму придется платить за полгода. А деньги пойдут на погашения долгов трактирщику и лекарю. Что? Недоволен?! У тебя же вообще нет рабов.

– У меня их пятеро.

– Ну и о чем тебе тогда беспокоиться?

– Собирался на будущей неделе купить еще троих.

– Дело личное. Купи одному из них вольную, дешевле обойдется. А слова мои запишите и издайте указ. Поговори с советом старейшин – может, что поумней придумают. Посмотрим, что из этого получится.

* * *

В лавке оружейника было шумно. Сам хозяин стоял за прилавком и, скрестив руки на груди, выслушивал неумную болтовню своего клиента. Это был невзрачный старикашка лет семидесяти, плешивый и в грязной одежде. Судя по всему, горожанин, но не здешний.

Увидев нас с Саматом, оружейник попытался было заткнуть болтуна, но я только приложил палец к губам и махнул рукой, давая ему понять, чтобы он сделал вид, словно нас нет. Лавочник еле заметно кивнул и снова обратил свой взор на старика. Ясно было по его виду, что дел ему иметь с ним не хотелось, но и выставить из лавки не позволяли традиции.

– ...Говорю тебе, мастер, чудесный экземпляр. Таких книг на севере и не печатают. Это рукопись, причем очень древняя. В ней все секреты и тайные знания.

– Что-то я сомневаюсь, что ты способен прочесть хоть слово из этой книги.

– Сам-то я читать не умею, но старый алхимик из замка великого князя Виктора сказал мне, что эта книга достойна внимания любого мастера.

– В замке князя нет никакого алхимика и никогда не было.

– Да я видел его собственными глазами и говорил с ним, так же как сейчас с тобой.

– В портовой таверне?

– А хоть бы и там, что, по-твоему, алхимики и в таверну войти не могут?

Мне надоели эти бессмысленные препирания, и я вмешался.

– Оружейник прав, у князя действительно нет никакого алхимика, а если бы и был, я бы узнал об этом первый.

– Ох! – воскликнул старик и шлепнулся на пол, гулко стукнувшись костлявыми коленями в половицы. – Господин!

– Меня интересует, где ты взял эту книгу. И скажи мне правду. Может, ты еще не знаешь, но мое любимое развлечение – за ложь отделять от людей по кусочкам их важные конечности.

– Особенно головы, – вмешался Самат и вынул из ножен меч.

– Я скажу, господин, скажу. Пять дней назад, я шел с караваном через перевал Ур-Гачи, но отстал от них. Заплутал, замерз и полез в широкую щель – там была ниша в скале, где нашел

покойника. У несчастного были деньги и теплый плащ, в сумке только эта книга да обломок ножа.

– И ты так легко ограбил покойника?

– Да что покойник, скелет один, лет сто там пролежал. А вещи его добротные были и укрывались хорошо.

– Грязный мародер! Самат!

Крепкие как кузнечные клещи, руки моего друга схватили несчастного и прижали к входной двери. Меч угрожающе застыл перед лицом старика.

– По моим законам тебе полагается хорошая взбучка, но я не судья, и возиться с тобой не хочется. Даю тебе час, чтобы покинуть город. Оставь книгу и не надейся получить за нее вознаграждение. Вон!

Старик вывернулся из лап Самата и словно ошпаренный выскочил на улицу. Часа ему хватит, чтобы удалиться на пару километров от городских ворот.

Оружейник сдавленно засмеялся и прикурил трубку от алтарной лампы, демонстрируя тем самым свое полное пренебрежение к жертвеннику. В нем чувствовалась непокорность и гонор древнего народа. Он провел широкой ладонью по гладко выбритой голове и нагнулся, чтобы подобрать рукопись.

– Чуть было не поддался на его уговоры. Неплохая книга, но проку в ней никакого, написана на Ури. Не знаю людей, способных это прочитывать.

– Вот и славно, возьму ее себе. Может, освою древний язык.

– В том лишь случае, мой господин, если это азбука! – Оружейник вновь засмеялся, но теперь уже не сдерживаясь.

Мне это смешным не казалось. А Ури был языком, на котором я учился говорить. Моя нянька была Ур-Гачи, и поэтому язык долины я узнал многим позже. Знакома мне была также и грамматика, но я не очень-то распространялся об этом, не хотелось становиться еще и толкователем религиозных манускриптов. Большая часть книг в библиотеке отца была написана именно на этом языке.

В разговоре про книгу быстро забыли, и я приложил к этому некоторые усилия. Купил у оружейника стрелы для охотников и хороший нож, не самый дорогой, но мне приглянувшийся. Конечно же, я не буду его носить с собой, статус не позволяет, но чертовски неудобно кусок мяса отрезать от баранины боевым клинком. Слуг в моем доме не водится, так что хороший нож в хозяйстве пригодится. Не зря меня считают сумасшедшим. Где это видано, чтобы наместник, младший принц, жил в старой хижине, совсем без прислуги, и беднее чем даже солдаты его армии и батраки на фермах.

Двенадцать духов поделили четыре стихии между собой. И всем досталось поровну. Кроме тринадцатого духа, которому досталась пятая стихия. Ему не пришлось делить силу стихии между братьями, но никто и не хотел брать в дар стихию, проклятую самим Создателем. Ее имя было лед. Ситах-Ур, дух возмездия, получивший в дар лед, не стал обижаться на своих братьев, но они стали презирать его. И была ссора. И разгневались духи, и стали биться между собой, и война эта породила многие беды. И посмотрел Создатель на это и оскорбился. И стал звать каждого из духов и давать ему буквы истины. И досталось каждому из духов по две равные буквы из двадцати четырех. И последним пришел к Создателю Ситах-Ур. И спросил:

«Какие буквы дашь мне, отец мой?»

И ответил ему Создатель.

«Не принимал я от тебя оскорбления. Не видел тебя бьющимся в ссоре. Незачем тебе буквы добра и зла. Но дам я тебе одну только букву, но ту, которую не дал остальным. И нет у этой буквы звука. Потому как звук этот имя мое. Владей и храни силу».

Ситах-Ур принял в дар букву и стал сильным и хранил ее долго. Но духи снова затеяли ссору и стали путать буквы и биться в споре. И оскорбился, увидев это, Создатель и снова позвал их к себе, и стал наделять им уделы. И отнял глаза, что дарил им. И отнял разум, что их был, и спрятал их лица. И последним пришел Ситах-Ур. И спросил:

«Какой из даров твоих вернуть тебе, Создатель?»

«Нет ничего у тебя, что твоим бы не было по праву. Не оскорбил ты меня участием в ссоре. Не стал применять свою силу, и нет для тебя удела, все, что создал я, стало твоим».

Ситах-Ур правил долго и мудро, пока не ослабли братья, пока не смирились с долей и уделом своим тесным.

Осталась ему забота поучать людей и животных – не страхом, но суровым законом, а закон тот был справедливым. Но и звери и люди вскоре преклонились перед силой закона. И стал Ситах-Ур всесилен, и правит мирами и ныне...

Я заложил между страницами перо, чтобы не трепать и без того ветхие листы, выискивая место, на котором остановился.

Ничего нового пока мне на глаза не попало. Всем известная легенда о войне духов. Но очень подробная. Пожалуй, и в жреческих храмах сейчас не найдется такого точного текста. Значит, Ситах-Ур и есть тот самый великий дух, от которого якобы пошел род Ур-Гачи. Интересно, но это только первые три страницы книги.

Рукописный текст читался сложно. Приходилось долго разбирать каждую букву. У меня не было достаточной практики в прочтении этих текстов. Тем более что печатный станок был так же давно известен, как и добыча и обработка железа.

На следующей странице была красиво нарисована первая буква. Под ней шло длинное описание всех ее значений и форм, которые она могла приобрести из-за смешения с другими буквами. Тоже просто и ничего особенно нового. Мне попадались подобные толкования в более красочном и дорогом исполнении. Двадцать четыре страницы, и на каждой по одной букве и описание. Известны были люди, которые применяли эти буквы для гадания и магических ритуалов, но истинные знания были утеряны. И успехи этих людей были мало заметны. Возможно, даже балаганный фокусник удивлял невежд больше, чем то, что могли представить в виде доказательства эти маги и гадалки. Я только слышал о подобных методах, но практического применения не находил.

Далее в книге имелась вставка. Словно страницу большего размера аккуратно подшили под обложку и подвернули так, чтобы рисунок на ней не сильно пострадал.

Сам рисунок был выполнен красным и черным цветом, которые символизировали стихии – соответственно, землю и огонь. Синим цветом был вычерчен по краю листа четкий квадрат, словно обрамление. Это символизировало воду. Желтый круг, занимавший всю страницу и включавший в себя рисунок, обозначал воздух. Пятой стихии доставался белый цвет, на который могла претендовать только бумага, хоть и далекая от этого понятия, но все же я попытался представить, что она белая. И тут моему взору предстал чудесный храм. Мои глаза смотрели словно сквозь книгу. Храм появился сам собой. Возник ниоткуда и стоял прямо поверх страницы как детская игрушка. Не веря своим глазам, я попробовал прикоснуться к нему рукой, но видение тут же исчезло. Передо мной снова были лишь красные и черные полосы, разбросанные по рисунку в непонятной последовательности. Заложив эту страницу пером, теперь уже белым, я захлопнул рукопись и встал, чтобы подбросить в очаг еще дров.

С магией, заключенной в самой книге, мне раньше сталкиваться не приходилось. Я видел магов, которые заклинали огонь и воду, землю и железо, человеческие толпы и животных, но ни один из них не мог произвести ничего подобного.

Я положил в очаг большие поленья, такие, которые будут гореть до самого утра. Здесь, высоко в горах, огонь горит долго, и немного дров хватает на большее время, чем в долине.

Говорят, что горы охраняются духами, которые не любят огонь, и потому он ведет себя здесь так непредсказуемо. В кувшине подогрелось немного вина. Я наполнил свой кубок и снова сел в кресло, чтобы продолжить изучение книги.

Я, Синасир-Дидар, прошел путь, указанный мне самим духом Ситах-Уром. Мне пришлось преодолеть пустыню Зназ и выйти к горному кряжу Тан-Таи. Где, по пророчеству духа, находится его храм, скрытый в скале. Все, кто приходит туда, подвергаются жестокому испытанию.

Дорога лежит через древний лабиринт, который охраняют множество призраков. Но дошедший до врат не сможет открыть их, не будь у него ключа. В самом храме хранится буква, имя которой не произносится, имя которой есть сам Создатель, и хранитель ее, Ситах-Ур, восседает на железном троне. Бойся, смертный, приблизиться к указанному месту незваным. Ибо встретишь ты там смерть свою или вовсе лишишься смерти. И имя ее будет моим именем.

Далее, на следующей странице, была карта. Очень подробная и выполненная с большой точностью. Главными на карте обозначались три вершины – хранители. Те места, куда ходить запрещалось всем, независимо от рода и положения. Древний запрет не нарушали, а если осмеливался кто, то мы о таких ничего не знаем. Место это было в десяти днях пути отсюда, если ехать верхом. Пеший путь займет не меньше месяца. В любое время, а особенно в начале осени, дорога среди горных ущелий особенно трудная.

Книгу заполняли рукописные цитаты из других, более древних текстов. Некоторые были мне знакомы, некоторые нет, но все они так или иначе относились к древнему алфавиту, буквы которого были розданы когда-то духам.

Приводились примеры того, как использовались буквы в том или ином случае, в гаданиях и в магии, но во все это верилось с трудом. Только в древних легендах сохранились рассказы о магах, способных так управлять силами стихии, чтобы это стало заметно. Я знал все это и прежде, только вот не мог вспомнить откуда. Наверное, вычитал в библиотеке отца, а тогда не придал значения. А сейчас знания всплывают вроде бы и ниоткуда сами собой. Такое со мной случалось. Не очень часто, но я всегда считал это некоторой особенностью памяти. Забавная и в то же время пугающая.

Описание храма никак не хотело покидать мою голову. Ведь место, которое там упоминалось, находится так близко, и добраться туда мне бы было совсем просто. Я могу взять с собой небольшой отряд, снарядить целый караван, если понадобится. Но что-то не давало покоя. Что-то тревожило. Страх перед запретом? Нет. Мне неведом подобный страх. Это моя земля, и я сам вправе накладывать подобные запреты. Никто из живущих на этой земле не посмеет встать на моем пути. Будет множество недоброжелателей, но до прямой угрозы для моей жизни дело не дойдет. Их остановит страх перед появлением нового наместника. Хотя, отпуская меня, они могут опасаться того же самого. Просто не следует говорить об этом никому из тех, кто сможет хоть как-то повлиять на исход путешествия. Предупреждение о том, что без приглашения дорога туда заказана, не смущало. Сам автор, назвавший себя Синасир-Дидаром, утверждал, что был приглашен, но кем и когда, нигде в книге не описывалось и более не упоминалось. Если само это место и духи, там обитающие, проявят негостеприимность и предупредят меня, то, возможно, я поверну, отступлюсь. Хотя сворачивать с дороги – не мой принцип.

Утро пахло медом и луговыми цветами. Душистыми травами и ягодами, заваренными в кувшине. Наверное, когда я уснул, в дом приходила вдова и присмотрела за моим огнем. Завтрак был на столе.

Влажные буковые бревна стен, прогретые восходящим солнцем, потрескивали и заметно парили. Тоненькие струйки тянулись вверх, к отверстию в крыше. Вязали причудливые кружева, смешиваясь с сизым дымом, уносились в бирюзовое небо. Вставать не хотелось. Мне было уютно и тепло, а завтрак успел безнадежно остыть и не стоил того, чтобы к нему торопиться. Хотелось немного побыть в таком хорошем расположении духа. Еда и вино настроения не испортят, но изменят.

Протянув руку, я взял книгу, которую не успел прочесть вчера до конца. Утомленный долгой дорогой и просидевший допоздна, я так и не смог изучить ее как следует.

Первая страница книги была пуста. На желтом листе не было даже намек на какой-нибудь рисунок или текст. Мне показалось это странным. Возможно, что вчера я пропустил эту страницу, хотя точно помнил, что начинал изучение манускрипта довольно тщательно. Все остальные листы сияли девственной чистотой. Какая нелепость. Неужели вчера я был настолько пьян?! Невозможно. Я совершенно четко запомнил некоторые мелкие детали рукописи. Так, что могу их описать с большой точностью...

Я даже не заметил, как оказался возле открытого окна перелистывающим пустые страницы. Настроение резко переменялось. Стало как-то обидно и даже грустно. Я пожалел, что просмотрел книгу бегло и не удостоил вниманием детали, показавшиеся мне вчера не очень важными. А самое обидное было то, что я ничего не мог понять. Произошло это с помощью магических сил самой книги, или сама она была всего лишь сном?!

Я знал о себе, что иногда не могу отличить сон и явь. Даже пробуждение не давало полной уверенности, сплю я или уже проснулся. Чувства мои были настолько четкими и ясными, что я подолгу присматривался к окружающим меня вещам, стараясь определить их реальность.

Теплое вино на столе, приправленное душистыми травами, это реальность или сон? Быть может, пустая книга – это сон. А на самом деле она лежит возле меня все с теми же рисунками и буквами. А я мирно сплю.

Как терпко пахнет вино. Неужели оно мне снится? Возможно, за гранью сна оно действительно стоит на столе, а здесь лишь его отражение. Почему я не могу различить? Найти определение мира реального и сна. Почему все так смешивается в моей голове?

Взрослые мне, маленькому, всегда говорили, что я помечен духами. Что я словно бы окружен их невидимой, но в то же время очень сильной защитой. Что они истинные мои воспитатели. Так же говорил и мой учитель фехтования:

– Хаттар. Я учу тебя приемам борьбы, добросовестно передавая тебе свой немалый боевой опыт, но каждый день я вижу, что сам готов поучиться у тебя.

– Вы же сами настаиваете, что я должен быть более внимателен к точности и скорости движений.

– Порой мне трудно определить насколько точно ты выполнил прием, потому что я не могу взглядом угнаться за твоими действиями. Любой прием рассчитан на определенную скорость движения. Он так устроен, чтобы сохранять баланс между эффективностью, безопасностью и равновесием. Но ты опережаешь все, тем самым делая весь прием бесполезным. Ты все равно действуешь по-своему. Но, вынужден признать, гораздо лучше, чем я, и уж, без сомнений, намного безопасней. Словно духи снисходят и отдают тебе свои крылья, забирают в свой мир, где нет ни времени, ни опоры, ни солнца, ни тьмы. Ты сам словно живое воплощение духов.

Тогда я только смеялся, не воспринимая все сказанное всерьез. И все больше хотел быть похожим на взрослого человека, способного делать то, что делают взрослые. Ходить как они, говорить так же легко и уверенно. Держаться в седле. Много позже стал понимать, что это временно. И желания эти не больше чем возрастной излом.

Уже живя в этом доме, у вершины горы, много лет спустя, я стал задумываться над теми своими желаниями и понял, что слишком долго был слеп. Мне было шестнадцать, и стоило только выхватить из ножен кортик, как тут же опытные воины бросали свои мечи. Многие даже не вступали в драку. А те, кто отваживался, становились посмешищем. Я не калечил тело, не убивал, но ломал дух. В драке один на один против меня не мог устоять никто из сверстников, и даже офицеры княжеской армии вели себя со мной почтительней, чем с остальными принцами.

Я стоял, упершись плечом в пряные бревна, и не мог понять, что происходило со мной. Если раньше все мои сомнения разрешались как-то естественно, то сейчас я явно заблудился между мирами. Между сном и реальностью.

Книга в моих руках была все той же. Деревянная обложка, обтянутая толстой потертой кожей. Серебряный замок, два пера, заложенных мной вчера между страницами, но это был совсем другой предмет. Не принадлежащий миру людей, чужой. И то, что он похож на простую книгу, не изменяло его сути.

Я Ситах-Ур, знающий имя Создателя, спящий на ветрах времени, пьющий солнечный свет, говорю тем, кто хочет слышать меня, ибо слово мое – это журчание реки. Слово мое – растущая трава. Раскаленный камень и пламя костра.

Я смотрел на первую страницу, которая еще мгновение назад была абсолютно пуста. Я смотрел на буквы, которые невозможно было прочесть и которые были ясны так, словно я сам написал их. Я держал книгу горячей рукой, а мир, меня окружающий, погрузился в сон. Мир замер, как рыба в промерзшей горной реке. Он был подвижен настолько, насколько ему позволяло сдвинуться с места мое сознание, моя воля, мое желание.

Идешь ли ты дорогой, летишь ли по небу, стоишь под парусом в море – Я вижу тебя. Нет места в создании, где нет взора моего. Нет места в создании, где нет меня. Но дорога ко мне длинней, чем все дороги земли, чем небо от горизонта до горизонта, которое есть тоже Я. И если ты в пути, Я вижу.

Проходят столетия. Стираются камни, много привалов и остановок. И труден путь. Я вижу.

Вода источает горы, крадет их соль и бежит в океан. Я вижу. Ты встал и снова в пути. Я вижу.

Буквы плясали, словно тени в тумане. Будто языки костра, отраженные в острых скалах у подножия горы. Буквы менялись и плыли. Таяли, как воск свечей, и становились тверже металла. Приобретая грани алмаза, были нежней, чем касание пера.

В моей голове сорвалась лавина. Камнепад. Где каждый камень – образ, воспоминание, впечатление. Смех грусти, обида радости, гнев веселья. Такой поток, что меня самого словно и не стало. Были только эти рваные клочья, как снежинки, кружащие в потоке ветра, больно колющие тяжелейший вздох. Бьющие в глаза, уносящие вдаль. В неизвестность, о которой я знаю все. Я кричал, но мой голос звучал словно ветер. Движения мои сотрясали горы. Океан бился сердцем, оскаленной пастью колючих волн.

Капля дождя падала в лужу, разводя кругами чье-то отражение. Снова взмах крыльев за спиной. Размытый лик того, кто знаком мне. Но вторая капля падает, замерзает, снежинкой, ложится на изысканный мрамор льда. И вот я могу посмотреть в глаза. Я их знаю. Мне знакома эта сдержанная улыбка! Но снег все идет и идет, прячет от взора отражение знакомого, но далекого мира.

И голос, словно бы издали. Резкий, одергивающий. Краткий и сжатый, еще не крик, но уже не приказ. Оклик!

– *Хаттар!*

– *...Нужно позвать лекаря.*

– *Поможет ли лекарь нашему господину?*

– *Что ты такое несешь, старый дурак! Гнусный твой язык на корм собакам! У него просто жар. Мне не следовало отпускать его в город одного...*

За стенами выла метель. Пахло дымом и какими-то травами. Душный воздух щипал горло, был кисло-горький, тягучий. Ахтарина сидела напротив, позади нее стоял Сах, староста деревни.

– *Вы, живы мой господин. Как я переживала! Я так боялась, что духи метели заберут вас с собой, увлекут в свой дикий пляс! Никогда бы себе этого не простила.*

– *Я сам словно метель. Тебе не о чем было беспокоиться.*

Старики нервно переглянулись, но не стали заострять внимание на моей реплике.

Сон поглотил меня вновь. Но прежние видения ко мне не вернулись. Утро я встретил здоровым, словно и не было тяжелой болезни. Безудержно хотелось пить. Ахтарина дремала возле очага в кресле, принесенном из своего дома. Сах сидел напротив прямо на медвежьей шкуре, уложенной вдоль стены. К утру дом заметно выстыл, хотя дрова в очаге горели ярко. Я укутался в белоснежную шубу – так понравившийся мне подарок. Пододвинул к себе глиняную кружку с травяным отваром. Зелье в кружке накрыла тонкая корочка льда. Но стоило мне потревожить жидкость, как лед тут же растворился в ней, охотно уступив место ароматному напитку. Книга лежала рядом, там же, где и мой пояс с ножнами. Открыть ее сейчас я не рискну. Не потому, что чего-то испугался, а просто решил подождать. Проверить, насколько прочна эта реальность, не ждет ли ее участь прежних, сквозь которые я шел через сон к этому пробуждению. Мой настил скрипнул, и оба старика подскочили как укушенные.

– *Простите нас, господин, мы задремали, ночь выдалась тяжелая. Как вы себя чувствуете?*

Сах чуть пригнулся, обозначая поклон, но в нем чувствовалась и какая-то несгибаемость. Гордость и нежелание быть слугой. Хотя никто и не требовал от него почтения. Человеку пожилому и мудрому я готов был простить что угодно, и сам бы поклонился. Кроме прямого оскорбления, если считал, что не заслужил его.

Сейчас я понимал, что все, что мне довелось пережить за эту ночь, является сновидением, в большей части, но не был уверен наверняка и поэтому решил все выяснить у стариков:

– *Что случилось вчера?*

Рассказывать стала Ахтарина. Сах попытался было прокашляться, чтобы описать события во всех подробностях, но вдова взглядом остановила его красноречие. Беря тем самым на себя мое возможное недовольство.

– *Как только вы отъехали, спустились густые тучи. Стало холодно, и повалил снег. Ветер поднялся такой, что соседнего дома не было видно, не говоря уже о дороге. Я сразу же подумала, что вы можете заблудиться в такую непогоду, и пока вы не достигли ущелья, отправила за вами Танашиа верхом на коне. Его тоже не было слишком долго, и тогда вслед за ним поехал Сах, на муле. Он нашел Танашиа, несущего вас вдоль дороги против ветра. Вы были без сознания и горели, словно раскаленный камень. На вас была эта шуба и книга в руках. Вашего коня нам не удалось найти. Конь Танашиа ускакал, но вскоре сам вернулся в деревню. Всю ночь вас терзала лихорадка, и мы испугались, вдруг бы вы не пережили эту ночь.*

– *Танаши нашел меня без сознания?*

– *Он говорит, что вы стояли возле дороги, словно бы раненый, но ран на теле не было. И с кем-то разговаривали. И как ему только могло в голову прийти такое!*

– *Значит ли это, что до города я так и не добрался?*

– Были бы вы ближе к городу, Танаши понес бы вас туда. А так вы и до ущелья добраться не успели.

Морицинистое лицо Ахтарины дернулось и напряглось. Сдерживая слезы, она сказала:

– Я так переволновалась. Сах поначалу вас не признал. Спросил Танаши, кого тот несет, но...

– Позволь мне самому рассказать, – вмешался Сах. – А то как ляпнешь глупость, господин и поймет неверно. А я, господин, действительно вас и не признал сразу. Шуба на вас была мне незнакома. Точно помню, что вы без нее уезжали, в одном плаще. Не видел я ее прежде. И бледный вы были пуце обычного, словно утопленник. Видать, здорово перемерзли. Я тогда и спросил пастушонка, кого это он несет. А тот и отвечает, мол, это же наш господин, давайте повезем его на вашем муле, а то моих сил нет больше нести его по дороге, ветер с ног валит. Мы и повезли вас верхом на муле.

Дальше я уже и слышать не хотел. Словно невидимая стена разделяла меня и стариков. Я просто сидел и смотрел на тлеющие угли очага, а сам пытался вместить в этот рассказ старосты те два дня, которые я провел в городе вместе с Саматом. Куда они пропали? Если их не было вовсе, то откуда взялись шуба и книга? Значит, эти дни были, но не верить старосте и Ахтарине мне не приходило в голову. Судя по всему, это видения, которые захлестнули меня, когда я попал в метель. Что происходило со мной, неизвестно. Мне самому неведомо. Что послужило причиной? И кто сейчас в безумии? Я или они? Два взбалмошных старика, которым могло померещиться что угодно. Есть еще пастух Танаши, можно спросить его. Но что-то подсказывает мне, что он расскажет ту же самую историю. Значит, последний человек, кто может решить все мои сомнения, – это Самат.

– Оставьте меня, – попросил я стариков, снова укладываясь на настиле.

Я долго бродил по комнате, ощупывая стены, перебирая какие-то вещи на столе. Яркий солнечный луч скользил по полу, путаясь в разбросанных икурах.

Воспоминания обо всем, что со мной происходило, были ясными. Я помнил шумный вечер в доме Самата. Старика из бродячего цирка, который умер в дороге на перевале. Мародера, беззубого проньфу, который пытался всучить книгу оружейнику. Я помнил, как устроил ревизию в доме городского старосты. Требовал бумаги и векселя торговцев. Запретил прикармливать вербовщиков моего брата. Это не было сном. Это было чем угодно, но только не сном. И книга! У меня достаточно хорошая память, чтобы вспомнить все, что успел прочесть, тем более что текста там было не так уж и много.

Взглянув еще раз на пухлый томик, лежащий поверх моего плаща, я взял лист бумаги и чернила.

Часть легенды, которая была вначале, я пропустил. Сразу начал записывать буквы и расшифровку к каждой из них. Зарисовал карту, которую постарался вспомнить как можно подробней. Магический рисунок с храмом только описал. Повторить узор было выше моих сил. Я помнил только отдельные части, но всю сложность переплетения линий так и не смог определить. Закончил только поздней ночью. Глаза слипались, а усталость накачивала как духота. Я вышел из дома.

Небо, мохнатое от миллионов пушистых звезд, раскинулось надо мной бескрайним куполом. Морозный воздух щекотал ноздри, пощипывал влажные пальцы. Внизу, под уступом, в домах деревенских жителей уже не горели огни. Тишину нарушал только куст шиповника, раскачивающийся на ветру, царапающий колючками камень.

Кто наслал на меня видения? Кто манипулировал моим сознанием так, словно я кукла в чьих-то руках? Кто может сделать это? Духи?! Ответ в книге. Без сомнений. Не знаю, как она это делает, но книга была тем самым ключом, который открыл потайную дверцу в моем сознании. Значит, и ответы на все вопросы тоже в ней.

Не спеша, как и прежде, я подбросил дров в огонь. Отломил кусок хлеба и наполнил кубок вином. Поставил перед собой на столе. Книга ждала. Матовый блеск серебра, застезжек, почерневших в некоторых местах от времени. Скрипучий переплет, упругие страницы. Я долго размышлял, прежде чем открыть обложку. Какой сюрприз ждал меня на этот раз?

Мой сон как соль.
И сталь как нежный шелк.
Изрек, и тон не думал поменять.
И что теперь?
Когда ты невесом,
Когда ты тень, тогда тебе
И нечего терять.
И незачем писать, когда ты звук.
Когда стук сердца – не твоя печаль.
Как жаль, что не имею рук,
И не могу раздвинуть круг,
И встать.

Так сходят с ума. Готов поклясться, что ничего подобного в ней не было написано еще вчера. Хотя есть ли уверенность в том, что я вообще открывал эту книгу? Если все, что рассказали мне старики – правда, то у меня просто не было возможности сделать это.

Это сборник стихов. Ни автор ни источник, не указаны. Просто сборник стихов или гимнов, кем-то любовно записанных в толстый томик. Неясным остается только то, как же все-таки попала ко мне эта рукопись.

Мне удалось уловить какой-то особый запах, какую-то тонкую ноту, звучащую в этом мире. Реальную. Не сотканную из сновидений и фантазий. Гармоничную и завершенную. Я еще раз почувствовал на языке терпкий вкус вина. Как может быть это сном?

Быть может, кто-то пытается меня убить и подмешивает яд в мое вино. Медленный яд. Проявляющий себя не сразу. Может даже, и не убивающий, а доводящий до безумия.

Безумен ли я сейчас? Как оценить? Немного не в себе, так это от болезни, которая не спешила отступать. Тем более был такой чудесный случай избавиться от меня, даже не пытаясь отыскать в снежную бурю. Или тот, кто хочет моей смерти, далеко отсюда?

Что на следующей странице?

Мир непонятен нам, когда мы спим.
И думаем, что видим сны о том – великом,
Порой, бывает, яростном и диком.
О том, что часто, не задумываясь, злим.
Не будь я злым, если отвечу – нет.
Мои раздумья о забвении строги.
Не стоит мир и тысячи монет,
Когда, во сне взлетая, ты ломаешь ноги.

Этот человек был похож на бродягу. Нет, не на то грязное, облаченное в лохмотья существо, встречающееся нам у храмов и в трущобах, а на настоящего бродягу, жизнь и дорога для которого понятия неразделимые. Он сидел у костра. Сидел и не обращал на него внимания. Костер в его жизни был так же привычен, как открытое небо или хлесткий ветер. Как дождь, падающий на сухую землю, как колючий снег под ногами. Вся его одежда служила одной-единственной цели – помогать в трудном пути. Укрывать от холода, прятать от палящего солнца.

Он не был похож на атлета, скорее наоборот, чрезмерно худой, изможденный. Одежда из грубой кожи висела на нем бесформенными лоскутами. Куда он шел и откуда, нельзя было сказать. Словно он родился уже взрослым и сразу отправился в путь к одной, известной только ему одному цели. Слегка прищуренный взгляд не выражал никаких эмоций. Был спокойным и неторопливым, даже вялым. Движения не суетливые, плавные. Отработанные до автоматизма и потому легкие и непринужденные. Сухие тонкие губы еле заметно шевелились, словно он шептал что-то незримому собеседнику или самому себе, но всякий раз, когда он умолкал, ветер начинал мотать из стороны в сторону его длинные волосы, выгоревшие и потерявшие цвет. Ветер словно говорил с ним. О чем? Этого не знает никто. Но сам этот бродяга был так спокоен и уверен в себе, будто ему известны все тайны этого мира. Все скрытые от глаз пути и дороги, которыми он бродит, проходя тысячелетия насквозь. Он знает ответы на все вопросы, и это единственный груз, который он несет с собой.

Костер перед ним то затухал, то разгорался с новой силой. Алые языки пламени выхватывали из темноты угловатые очертания напряженной фигуры, раскачивая их из стороны в сторону. Окружающее его пространство, антрацитовая, непроглядная ночь с небом, где рассыпались миллионы бриллиантов, жадно глотала оранжево-красные всполохи пламени, впитывала. Как холодный камень пьет тепло восходящего солнца, так и эта ночь поглощала маленькую искорку жизни в этой бескрайней степи.

– *Хаттар!*

Во мне словно лопнула туго натянутая струна. Я проснулся как от удара палкой. Все мышцы на мгновение напряглись и свернули мое тело так, что ударил по носу своими собственными коленями. Дыхание сбилось, кровь гулко ударила в виски. Тошнота подкатила к горлу. Секундное напряжение – и провал. Я словно осыпался, расплылся. Глубокий вдох вернул контроль над телом. Запах крови, смешанный с морозным воздухом, заставил встать с постели не раздумывая. Перед глазами еще плясали языки пламени. Все тело трясло мелкой дрожью. Движения были вялыми и неточными. Я умылся водой из кувшина, распахнул окно, щурясь от яркого солнечного света.

Бродяга из сна застыл в моей памяти неподвижным силуэтом, ярким пятном. Очередная загадка, тайна. Откуда эти сны? Откуда этот умопомрачительный хоровод реальности и сна, где стерты границы и ощущения? Где все смешано до неузнаваемости, пребывающее в хаотичном движении.

Кто этот незнакомец? Почему он возник таким ярким образом во сне? Или он был в реальности, а сейчас я уснул и вижу сон?

Вопросы. Вопросы. Вопросы! Когда же будут ответы? Когда все встанет на свои места?

Холодная вода быстро остановила кровотечение. Несколько капель попали на рубашку, и, пытаясь их смыть, я здорово ее намочил. Сквозь влажную ткань мороз чувствовался особенно четко.

Почему этот незнакомец так похож на меня? Что должно значить его появление? И как это связано с книгой?

Меня не покидала тревога, близость опасности. Я не мог найти причины своего беспокойства. Какое-то напряжение царило вокруг, неуловимо, ненароком задевающее потаенные чувства. В задумчивости я вдруг вспомнил птицу, которая парила высоко в небе над городом, где меня, оказывается, и не было в этот раз. Боевой ястреб – Кацаари. Я вдруг увидел мир подо мной глазами этой птицы. Широкою долину и холодные, далекие вершины гор. Руки-крылья оттолкнулись от морозного воздуха, ветер ударил в ноздри, посвистывая, скользя сквозь тонкие перья. Еще один сильный взмах крыльев...

В дверь постучали. От неожиданности все мое тело невольно содрогнулось. Кто мог явиться ко мне в такой ранний час? Если Ахтарина, которая принесла завтрак, то я быстро отправлю ее к себе. Я не был голоден и сейчас хотел побыть один. Да и с какой стати ей надо было стучать. Уже подойдя к двери, я запоздало понял, что только что смотрел на стол, заставленный всевозможной снедью, прикрытой чистым полотенцем. Кто еще, кроме нее, мог это сделать?

На пороге стоял странник. Весь сгорбленный, в грязных оборванных одеждах. Я аж отпрянул от двери, стараясь держаться от него подальше. Странник смотрел себе под ноги и не поднимал взгляда из-под тряпья, наверху у него вокруг головы. Его изможденное тело тряслось от холода, а худые руки опирались на кривую жердь, как на посох. Костлявые и узловатые пальцы теребили сухую древесину.

– Милостивый господин. Прошу вас, не гоните меня прочь, да будут благосклонны к вам великие духи. Позвольте несчастному погреться у очага.

Странник по-прежнему не поднимал глаз. Он переминался с ноги на ногу, отчего казалось, что его шатает. Или от усталости, или от собственной немоги, но он уже не мог стоять на ногах, да и лохмотья на нем были, надо сказать, не по сезону.

– Входи.

– О! Милостивый господин! Я воздам хвалу духам в благодарность за вашу щедрость и доброту.

Неуверенной походкой странник прошел к очагу и встал возле него на колени. Он положил свою клюку перед собой и протянул руки к жарким углям.

Я бросил беглый взгляд на деревню, лежащую ниже по склону. На солнце, только что показавшееся из-за горизонта, на густые облака, ползущие с севера. Скоро опять будет снегопад. Не знаю, как в долине, но здесь снег останется надолго. Закрыв дверь, я обернулся к незваному гостю. Тот, словно статуя, застыл возле жаровни.

– Если ты голоден, садись за стол, вино и хлеб придадут тебе сил.

– Вино?! В этом доме подадут вино бродяге?! Я удивлен, милостивый хозяин...

Странник поднял взгляд и на миг замер. Его лицо исказила гримаса ужаса. Он отшатнулся, прижимаясь к каменной кладке очага, словно не замечая, что тот раскален.

– ...Господин Метель! – И тут он опомнился. – Прошу вас, смилуйтесь! Я никак не думал, что встречу вас в этом доме. Простите, господин. За мой дурной язык простите, я не хотел вас оскорбить своим присутствием.

– Подожди с извинениями. Как ты меня назвал?!

– Я не хотел, у меня это вырвалось случайно! Извините меня.

– Я задал тебе вопрос! Повтори! Что ты сказал?

– Я назвал вас Господин Метель.

Странник снова опустил взгляд и весь сжался, как бы ожидая удара.

– Ты назвал меня так, потому что слышал от кого-то это прозвище?

– Не наказывайте меня, я расскажу вам все. В городе, у подножия гор, все вас так называли. Мне говорили, что вы живете один высоко в горах, но я не предполагал встретить вас в этой хижине. Думал, что вы живете в замке, как все остальные правители. Все в городе повторяли, что Господин Метель совсем обезумел, что он проклят духами и не желает видеть мирской жизни, говорили, что господин затворник и не терпит гостей, говорили, что господин жесток и не терпит бродяг. Потому я так поспешно покинул город, хотя и имел желание там остаться и, может, смог бы заработать себе на новую одежду. Я бы не стал просить милостыню, я не нищий, но в дороге со мной приключились многие беды, отчего я стал похож на бродягу, а я ученый, я многое могу. Я знаю ремесла и грамоту.

– Тебе никто не сказал, почему меня называют Господин Метель?

– Сказали лишь, что вы холодны словно лед, и ни боль, ни страх, ни жалость неведомы вам. Что вы быстры в бою словно ветер и колючи как снег. Что вы родились от земной женщины, но отец ваш был истинно дух горных вершин, покрытых вечными снегами!

– И ты, грамотный человек, поверил во все эти сказки крестьян и не сделал никаких выводов?

– Слышал я о вас и прежде, далеко отсюда, в других землях. И не было у меня сомнений, что хоть половина из всего того, что вам приписывают, есть правда.

– Ну, коли так, вставай и иди умойся с дороги.

Не раздумывая ни секунды, бродяга вскочил, огляделся, и, все еще согнувшись, пошел в угол комнаты, где стоял на пне кувшин с водой. Я прошел вдоль стены и, открыв сундук, вытащил оттуда свою старую охотничью куртку, которой не пользовался долгое время. Войлочные штаны для верховой езды, сапоги, которые стали мне малы, и свежую рубашку, которую так ни разу и не надел. Обувь должна быть страннику впору.

– Возьми одежду, а свои старые лохмотья брось в огонь, – приказал я, даже не обернувшись.

– Как я смею, мой господин?!

– Это не просьба. Ты в моем доме. И не пристало здесь ходить оборванцем. И хватит причитаний.

Приказ странник исполнил быстро. Он стыдливо поглядывал на меня когда переодевался, и держался ближе к противоположной стене, там, где тень.

– Так-то лучше. Теперь ты больше похож на человека. Садись за стол.

Перечить мне он и не думал. Сел на краешек скамейки, все так же не решаясь поднять глаза.

Я сам наполнил его кружку вином и пододвинул ломтики копченого мяса. Хлеб и сыр были в достатке.

– Нет причин беспокоиться. Никто не желает тебе зла. Ты не мог знать, что попадешь в мой дом, но коль ты здесь, то будь моим гостем.

– Спасибо вам, господин, никогда не забуду такой милости.

Странник ел не спеша, стараясь быть приличным и опрятным. Я лишь пил вино и смотрел в очаг, где набирал силу огонь, пожирая сухие бревна, которые были брошены поверх старых лохмотьев странника.

Некоторое время я не беспокоил его, ждал, пока тот насытится. Возможно, мне почудилось, а может, и нет, но когда огонь уничтожил рваную одежду моего гостя, то чувствовался слабый аромат, словно в костер подлили немного розового масла. Наверное, показалось...

– Как твое имя? – спросил я, когда с едой было покончено, наливая ему еще вина.

– Син. Мое имя Син.

– Давно ты в пути?

– Третий год.

– У тебя заметный акцент, ты издалека?

– Маракарец.

– Что привело тебя в мои земли?

– Беда, мой господин. Земли – сплошь каменная пустыня. Война и разорение сделали их совсем не пригодными для жизни. А налоги хана так непомерно высоки. Когда-то там было можно жить, сейчас же только ветер да разорение.

– Армия моего брата добралась и туда?

– Я не хотел этого говорить. Но, к сожалению, это так, мой господин. Мне казалось, что великий князь не пожелает в зиму идти через горы, и я отправился сюда в поисках лучшей доли.

– Какие науки знакомы тебе?

– Астрономия. Математика. Руны.

– А ремесла? Ты говорил, что знаешь ремесла?

– Я практиковался в постройке галер, но здесь нет ни судоходных рек, ни морей, ни океана, я смогу быть плотником и честно зарабатывать свой хлеб.

– Но в моих землях строгий запрет на вырубку леса, так что твое умение будет не очень прибыльным. Скорей потребуется камнетес. Ты смог бы прочитать рукописи?

– Смог бы, коль они были бы.

Я взял лист бумаги и написал рунами, теми, что видел в книге и переписал себе по памяти, свое имя.

– Прочти.

Син долго изучал надпись, вертел листок бумаги в руках, прищуривал глаз, а потом сказал:

– Отрешенный.

Ну разумеется. Мне никогда в голову не приходило переводить свое собственное имя с языка Ур-Гачи на наречие жителей долины. Все произносили мое имя, но мало кто задумывался над его значением. Хотя и тех, кто произносил его, было не много. Для всех я был господин, а не Хаттар.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я достал свой клинок и протянул его страннику. На какое-то мгновение мне вдруг стало боязно отдавать его в чужие руки, ведь я никогда этого не делал прежде. Лишь однажды позволил его взять у себя своему учителю фехтования. Тот оценил его по достоинству и сказал, что оружие из тех, которое само выбирает себе хозяина.

Вопреки моим ожиданиям бродяга Син отнесся к оружию с неменьшим почтением.

– О! Какой славный клинок! Однажды мне уже приходилось держать похожий в руках.

– Клинок и вправду достоин похвалы, но сейчас меня интересует, что написано на лезвии.

– Это не руны Ур-Гачи. Хотя на первый взгляд и похожи. Знаю! – воскликнул мой гость. – Это знаки тринадцати лун, их значения.

– Календарь?

– Нет. Все сложнее. Здесь очень тесная связь с движением луны по небу в течение года. Как словесная загадка. На рукоятке окончание в виде звезды с тринадцатью концами. И один больше других, не намного, но заметно.

– Что бы это могло значить? По-твоему?

– Если это не календарь, то вещь очень тесно с ним связанная. Здесь, я думаю, руны следует читать не как звуки, а как отдельные слова, по значениям. Если первая руна произносима, то она служит лишь для определения силы следующей руны, которая означает «ветер». Так выходит, что две эти руны можно прочесть как «ураган». Да! Именно ураган!

– Запиши на бумаге отдельными словами, как ты и говорил, – приказал я.

Странник проворно взял перо и бумагу, перевернул чистой стороной вверх и записал первое слово.

– Дальше идет руна Битлабур. Ее значение «война», но, оглядываясь на первые, мы можем прочесть ее как «разрушение». Или как агрессивное настроение самого урагана. Рун всего восемь. И две повторяются. Те же самые произносимые с усиливающим значением. Третья руна означает «ясность». Не в смысле погоды, а простоту и понятность следующих знаков. Следующие четыре последовательно означают три стихии. Огонь, воду и землю.

– Не получается. Один знак лишний.

– Я понял. Последняя произносимая не усиливает другие, а обозначает скрытность и содержит в себе все предыдущие значения, кроме разделительного знака, который, собственно, и руной не является, и говорит только о том, что этот самый клинок не совсем клинок, а еще и какой-то инструмент. Имеет двойное назначение. Теперь, если все это сложить, то получается

что-то вроде «Быстрый как ветер, не знающий себе равных, ключ от сокровенных врат». Если, конечно, не придирается к мелочам, примерно так.

– Ключ?

– Простите меня, может, вы не это хотели слышать, возможно, вам знаком другой перевод этого странного текста, но, боюсь, это все, на что я способен сейчас, можно посмотреть толкования в большом кодексе чисел...

– Успокойся, Син. Никто прежде до тебя не смог прочесть ни единого знака на этом металле. Скольких ученых я ни спрашивал, все говорили, что подобный текст они не в состоянии понять. Твоя версия мне кажется убедительной. Тем более что она единственная пока, и я думаю, что теперь ты можешь смело просить у меня любую награду, которую только пожелаешь.

– Вы так добры, господин, но вы уже дали мне больше, чем я ожидал получить.

– Нет, нет. Ты достоин награды! Это мое слово! Все, что тебе захочется, сейчас же. Коня, одежду, деньги. Все. Если не хочешь покидать эти земли, ты получишь дом и сможешь заниматься наукой. Клянусь алтарями всех духов! Все, что пожелаешь.

– Вы так великодушны, что я, право, не могу найти слов благодарности.

– Пойдем. Я устрою тебя в уютном месте, где тебе будет намного спокойней, чем здесь. В моем присутствии тебе нелегко будет расслабиться, отдохнуть с дороги, тем более что я хочу побыть один и обдумать то, что ты для меня сегодня растолковал. В том доме тебе дадут все, чего ты только захочешь.

Вдова Ахтарина приняла гостя с радостью. Во-первых, Син теперь не был похож на бездомного бродягу, а во-вторых, его привел я. Гости, да и вообще любые прохожие, в деревушке большая редкость, так что здесь каждому были рады. Любой, кто приходил из больших земель, приносил новости и слухи. Рассказывал о своих странствиях и обо всем увиденном. Такие смельчаки встречались не часто. Бродить в одиночку по землям было опасно. Десятки княжеств, разные законы, дорожные налоги и сборы. Разбойники, грабители, орды кочевников. Все это создавало трудности. Если только путешественник не ухитрился примкнуть к какому-нибудь военному отряду или каравану торговцев, всегда нанимающему охрану. А их в последнее время становилось все меньше и меньше. У странствующего рыцаря было больше возможностей, но в дома крестьян он, как человек благородного происхождения, попадал редко. Так вот и сложилось в разных землях особое гостеприимство, которое передавалось из поколения в поколение как добрый обычай. И стало почти законом. Правилom хорошего тона.

Без всяких сомнений, этот бродяга появился здесь не случайно. И то, что он постучал именно в мою дверь, не иначе как проявление воли духов. Я должен сделать выводы из всего, что происходило со мной за последние несколько дней. Я должен все как следует записать и тщательно обдумать.

Надпись на клинке приоткрыла свою тайну. Мне почему-то казалось, что мой клинок и храм, который я видел в книге, очень тесно связаны, сплетены какой-то нитью. Пусть даже я видел не совсем храм, а только его рисунок – может даже, во сне, – но мысль о связи между ними не покидала меня. Появилась как бы связующая цепочка между реальностью и сном. Маленькая опора. Наметилась цель, которую нужно достичь. И тогда все станет ясно и просто.

Вернувшись в свою хижину, я снова сел записывать планы и сверял с теми черновиками, что сделал по памяти. Если все, что со мной произошло два дня назад, было сном, то откуда взялась книга и шуба? Значит, сна не было! Не может быть. В дом Самата я попасть не мог, а следовательно, и в город. Выходит, все это происходило не на самом деле. Что же тогда случилось?!

Взять книгу в руки и попробовать ее еще раз изучить. Может, ответ там? Нет! Все запущается окончательно, и я не смогу никогда решить этой загадки. Каким бы образом ко мне ни

попала книга, она достигла своей цели. И что там написано, на данный момент значения не имеет. Важно то, что эта книга, как предмет, стала мостиком, знаком, и я должен был разобраться в этом.

Перечитав еще раз все, что мне удалось записать, я пришел к выводу, что мне необходимо отправиться на поиски этого храма. Скорее собрать отряд, пока перевалы совсем не закрыло. Там, в храме, сосредоточены все знания, к которым я так стремлюсь. Там есть что-то, что зовет меня. Что-то манящее и таинственное.

Думая об этом, я стал собирать вещи, которые, возможно, мне пригодятся в долгом походе. Разумеется, придется послать гонца в город, к старосте, чтобы тот выделил мне десяток воинов для сопровождения. Сам я туда не поеду. Надо написать два письма. Одно для главы совета, другое Самату. Старый вояка будет хорошим спутником.

Не откладывая, я сел писать письма. Много времени это бы не заняло, но вскоре за стенами дома послышался шум и топот копыт.

Я распахнул дверь и вышел на порог. К дому приближались не менее тридцати всадников. Все они были в доспехах и с гербами своих родов на узких щитах. Похоже, что сегодня день визитов.

Гвардейцы остановились и спешили почти одновременно. Двое из них сняли шлемы.

– Саул! Марк! Братья! Весьма рад. Что привело вас в мои земли?

– У нас письмо для тебя, Хаттар.

– Могли бы отправить гонца, – удивился я, широко распахивая дверь.

– Ты не рад нашему визиту, братец?

– Визит неожиданный, скрывать не буду. Но тем не менее я правда очень рад. Сколько лет мы с вами не виделись?

– Лет пять, не меньше.

– Да, Саул, лет пять, ты успел многое за это время, Виктор щедр на боевые награды.

– Тебе их не видать никогда, Хаттар. Сколько славных походов ты пропустил и не пожелал участвовать.

– Война это ремесло, которым я владею хуже всего.

– Как пожелаешь, но не забывай, что ты подданный великого князя Виктора, и тебе придется удовлетворить его требование.

– Вам нужны деньги на очередную военную кампанию? Угадал?

– И не только это. Из письма следует, что ты должен предоставить в наше распоряжение не менее тысячи хорошо обученных солдат и командиров. Также снарядить обоз с продовольствием и железом. С оружием и доспехами.

– Входите в дом. Нечего стоять на морозе.

– Нам известно и твое гостеприимство, и затворничество, так что, думаю, нам нет смысла злоупотреблять, беспокоить тебя своим присутствием. Напиши приказ старосте. Сам-то не хочешь поучаствовать? Под твои знамена многие пойдут добровольно.

– Виктор разорился сам, теперь желает разорить мои и без того скудные земли!

– Мы ведем священную войну!

– Это с Маракарой-то?

– Оплот мерзости и разврата должен быть уничтожен. – взревел Саул, всегда отличавшийся нездоровым фанатизмом. – Все эти черные храмы и башни созданы, чтобы сеять тьму и насыпать порчу в земли пяти алтарей!

– Неужели Марак, великий жрец, вступил в войну с князем только из-за того, что перевел священные книги на язык Маракары? – выдал я доподлинно известную мне причину войны.

– А! По-твоему этого недостаточно?

– Сила Марака была велика в годы, когда мы еще были мальчишками. И отец, если мне не изменяет память, подписал с Мараком мирный договор.

– Кочевники нарушили договор и вторглись на наши земли вместе с ордами темных магов. Пали три крепости, не мы начали войну.

– Как скажете. Входите, мне нужно время, чтобы написать приказы.

Саул и Марк были недовольны моими проволочками, но все же вошли в дом. Я сел за стол и достал чистый лист бумаги, перо и чернила.

– Хаттар! Что у тебя за хижина! Нищие в городах живут богаче, чем ты.

– Я же не нищий. Пока.

Саул криво ухмыльнулся. Поставил шлем на стол и взял несколько листов, которые я исписал своими воспоминаниями о сне. Разумеется, его не интересовало то, что там написано. Тем более что Саул не знал языка Ур-Гачи. Да и читать был не большой мастер.

– Тебя надо было отдать жрецам в послушники, еще в детстве. Полукровок туда не берут, но тебе могла достаться должность писаря при храме или еще какая работа. Это почти то же самое, чем ты здесь занимаешься.

– Писарь при храме множит Святое Писание, а не занимается наукой.

– А! Так ты теперь у нас ученый! Алхимик! А может быть, маг?!

– Скорее, исследователь.

– И что ты исследуешь? – спросил Марк, стоя в углу комнаты и разглядывая пустые кувшины из-под вина. – Сорта вин? Или, может, твоя наука заключается в поиске особого напитка, от которого пьянеешь один раз и на всю жизнь? О! Кажется, ты преуспел в этой науке!

– Как говорит великий князь Виктор, – вмешался Саул, – по отношению к тебе, Хаттар, в любой породе всегда есть выродок! Как ты можешь так позорить наш род!

– Считаешь, Саул, что я чем-то опозорил род своего отца?

– Мы призывали тебя помочь нам в битве на востоке. Мы звали тебя на усмирение восставших горняков, от похода на Маракару ты тоже отпираешься. Тебя не дозовешься ни на один праздник, ни на одни похороны. Ты сам по себе, ты эгоист, жируешь тут в своем логове, а мы там льем чистую родовую кровь! Весь свет и знать говорят о тебе как об уроде, которого спрятали подальше от глаз. Докажи, что это не так! О тебе ходят слухи один другого хлеще. Так дальше продолжаться не может. Великий князь очень недоволен тобой и прислал нас, чтобы мы заставили тебя приехать в его замок.

– Он пригласил меня?

– Он велел тебе приехать. И в случае если ты вдруг опять не захочешь, мы повезем тебя силой.

– Весьма странное приглашение. Вам не кажется?

– Хаттар! Ты долго испытывал наше терпение, и мы не намерены морозить тут свои задницы и уламывать тебя, как капризную девицу. Собирайся и отправляйся с нами.

– Или что?

– У Марка есть грамота князя, по которой все твои земли и имущество переходят под его присмотр.

– Что за глупость! У него прав на эту землю меньше всего! Мне она досталась по материнской крови и завету, и ни Виктор, никто другой не вправе отменить эту волю.

– Теперь вправе. Ты становишься помехой. Твои земли не снизили налоги для воинов и очень не любят вербовщиков. Ты гонишь прочь всех, кто хоть как-то связан с домом твоего родного брата. А местного старосту держишь хуже дворовой собаки.

– И поэтому вы пришли устанавливать здесь свои порядки?!

– Не собираешься же ты противиться воле князя!

– Некоторое время назад не собирался, но сейчас я вынужден просить вас покинуть мои земли. И впредь не беспокоить подобными заявлениями. Я сам напишу письмо Виктору и навещу его в замке через две недели. Все это зашло слишком далеко! А сейчас уходите. Вот мой приказ, отдадите его старосте, и он сделает все, что требуется.

– Ты смешон, Хаттар. Неужели и вправду веришь, что после всего, что здесь произошло, князь захочет с тобой о чем-то говорить? Наивный. Ты изгой нашего рода, и в его привилегиях тебе отныне отказано. Прощай.

Марк вышел первым. Саул вслед за ним. Лишь на мгновение он обернулся ко мне, взглянул в глаза и, быстро надев шлем, вскочил в седло.

– Прощай, Марк, прощай, Саул.

В этот момент я пожалел, что не держал в деревне ни одного гарнизона. Хоть пару сотен солдат, этого бы хватило, чтобы не сдаваться без боя. А бой будет.

Внизу, в поселке, раздались крики. От одного из домов повалил густой черный дым. Сопровождающие моих братьев офицеры и солдаты как по команде бросились в разные стороны, обнажая мечи и топоры. На старой башне появились лучники и тут же принялись стрелять. Солдаты сыпались отовсюду – из-за домов, из-за камней, из чахлого кустарника вдоль реки. Их было не меньше трех сотен. Не считая офицеров, дворян, которые сразу направились в мою сторону. Черные доспехи, тяжелые щиты, мечи и палицы, полтора десятка хорошо обученных командиров встали вокруг меня. Как нелепо. Я не ожидал ничего подобного. Мне казалось, что Виктор более труслив и не пойдет на открытое противостояние со мной. Но я ошибся, и это будет стоить мне жизни. Жаль, я бы лучше встретился с ним в равном поединке, чем вот так. Хотя поединок – это то, чего Виктор боится больше всего. Поэтому и была организована эта карательная экспедиция.

Снег, мокрый и липкий, падал на ресницы. Дымный ветер никак не мог решиться, в какую из сторон гнать тяжелые облака. Солнце все еще светило сквозь тучи, но с каждой секундой свет его становился все тусклее, мерк. Сумрак обволакивал ущелье.

Я стоял у порога хижины. Из высокого дома напротив показалась знакомая фигура деревенского старосты. Он бежал ко мне, легко одетый, и в лице его читался какой-то первобытный страх.

– Господин! Господин! Почему эти люди нас убивают?!

Ответить старосте я не успел, лучники с башни остановили его бег. Сразу три стрелы вонзились в спину старика и сбили с ног. Он еще шевелился, но снег под ним быстро потемнел от крови.

– Самат! Ты здесь? – спросил я, оглядывая офицеров вокруг.

Мне не ответили.

– Если ты здесь, то знай, что ты единственный, кого я считал своим другом, так что у тебя еще есть возможность не попадаться под мой клинок.

Эта моя фраза словно послужила сигналом. Воины почти одновременно сдвинулись со своих мест и бросились в атаку.

Я выбрал удобную позицию. Первый попавшийся мне офицер стал щитом, словно мешок с соломой, что носят оруженосцы, когда помогают в тренировках своим господам. Не думаю, что ему очень этого хотелось, но выбора я не оставил. Ловко увернувшись от его меча, я сместился вправо и, схватив противника за руку, вывернул ее так, что несчастному не оставалось ничего больше, кроме как послушно следовать моим направлениям. Все происходило слишком быстро. Я парировал своим живым щитом три удара, а четвертый принял на клинок. Поднырнул под тяжелый топор нападавшего и вонзил кинжал прямо в прорезь забрала.

Не знаю почему, но каждый из нападавших хотел сам прикончить меня или хотя бы нанести удар. Словно за это им пообещали мой титул в награду. Тем не менее такой их напор становился помехой. Они дружно мешали друг другу, борясь за право меня достать. Я продолжал свое стремительное скольжение среди неповоротливых истуканов, закованных в броню. Каждый мой выпад приносил смерть. Каждое движение совершалось с недоступной для них быстротой и опасностью. Клинок звенел, пробивая латы и кольчуги. Смертельным жалом впивался в узкие щели на сгибах, завывал, рассекая морозный воздух. От быстрых движений вдоль всего

неровного круга убийц поднимался ветер. Они крутили головами, стараясь заметить, куда я направляюсь, и тот, кто успевал это сделать, еще какое-то время оставался жив. Те же, кто терял меня из виду, тут же запоздало понимали, что больше не сойдут с этого места. Снег повалил хлопьями, припорашивая кровавые пятна. Делал лучников бесполезными. Снег словно кутал меня в свои перья, окрылял, придавал сил. Я выныривал из толпы и снова растворялся в ней. Сама смерть сейчас двигалась рядом со мной, собирая для себя спелый урожай.

Но тут мое движение резко прервалось глухим ударом. Тяжелая арбалетная стрела впи-лась в грудь с правой стороны. Снег посыпал еще гуще, сквозь его пелену алыми призраками плясал свет пламени, охватившего дома крестьян. Я замер. Будто все во мне перестало жить. Я не мог даже вздохнуть. Оказавшийся рядом офицер ударил мечом наискосок, от ключицы до груди. Белый мех шубы смягчил удар, но тем не менее кровь хлынула из раны, и ее тяжелые капли упали вниз, растекаясь в еще одно из алых пятен, так щедро окропивших снег. Боли не было. Только резкий запах железа, чуть кисловатый и едкий, и чувство какой-то утраты, потери, бессилия. Вторая стрела впи-лась в спину. Гулко, как в дерево с пустым стволом. Мир перед глазами качнулся. Я успел повернуться и посмотреть на стрелка. Это был Саул. Он воз-вратился, наверное, для того, чтобы убедиться в моей смерти, или он не доверял офицерам.

Я медленно опустился на одно колено, рукой уперся в землю. Голова не слушалась, и все время клонила в сторону, становилась тяжелой.

Саул отбросил арбалет, не стал перезаряжать, выдернул из ножен меч и подошел ближе.

– Ты бы мог стать великим воином, Хаттар, но ты выбрал свой путь, и теперь платишь за это.

Я не мог ответить. Мне просто нечего было сказать. Я проиграл. И не важно, что вместе со мной в царство духов отправятся еще семь воинов, это все пустое. Будь их больше в десятки раз, не имеет значения. Я проиграл слишком давно, в тот самый миг, когда перестал играть в их игры. Раньше или позже, это должно было произойти. Жаль, что понял я это только сейчас.

– Привяжите его к столбу. Пусть он сдохнет как простолюдин, не достойный смерти боль-шей, чем его грязный скот.

Меня схватили за руки и поволокли через всю деревню к площади, туда, где был камень совета и позорный столб. Мне было все равно. Дух смерти словно бы помиловал и избавил от мучений. Ни боли, ни страха я по-прежнему не чувствовал. Как вырывали из меня стрелы, как стягивали мокрыми веревками руки, как вздергивали на столбе – все это проходило мимо. В какой-то момент показалось, что я опять сплю и все это только снится, но сон и не думал кончаться. Сон смешивался с другим сном, в котором одинокий путник сидел в темной степи возле костра и смотрел на меня. Я чувствовал его взгляд. Спокойный и гордый. Взгляд, достой-ный скорее короля, нежели скитальца. Взгляд, который выражал больше, чем слова, сколько бы их сказано ни было.

Я видел себя, видел его. В моей голове, словно заклинания, текли строки из книги, и радость и тоска переполняли, как наивного ребенка. Какая-то чудесная гармония и легкость заменила боль и страдание. Мир укутывал в свои легенды. Мир пел колыбельные песни, про-вожал меня торжественным гимном, эхом, грохочущим камнепадом в горном ущелье.

Саул еще некоторое время смотрел мне в глаза, а потом приподнял забрало и сплюнул на снег. Я почти не обращал на него внимания. Мне было безразлично, что происходило вокруг. Все сон!

Пылали соломенные крыши. Дворы были залиты кровью и засыпаны серым пеплом. Тела убитых заносило снегом, где-то слышались еще стоны и крики, но все это было слишком далеко, не рядом со мной, не в этом мире.

Я закрыл глаза и словно соскользнул в бездонную пропасть. Видений уже не было, но я все еще помнил взгляд человека, сидящего у костра. Я знал о нем все. Но не мог это выразить. Вспомнил, кто он, но не мог назвать его имени. Даже знал, чем он связан со мной, но невидимая

черта разделяла нас, как вода разделяет человека и его отражение, и стоит только попробовать прикоснуться, как все тут же теряет форму и растворяется, становится дымным и неясным.

Смерть оказалась благосклонна. Она предстала не в худшем своем облики, и при встрече мне следует поблагодарить ее за такую щедрость. Не зря говорят, что духи отвечают взаимностью на хорошее отношение к ним. А может, они просто остались довольны той жертвой, которую я принес прежде, чем принесли в жертву меня. Те семеро несчастных, пытавшихся убить так рьяно, то ли по своей воле, то ли по приказу обезумевшего брата. Хотя безумцем-то как раз считали меня. Это я выпадал из стройной колонны их алчных идей. Это я говорил, что все надо решать миром и война это удел слабых и недалеких людей. Это я презирал дворцовые интриги и братоубийство, но сам стал жертвой этого зла. Наверное, подобный исход был неизбежен.

Какое это теперь имеет значение?

Я видел перевал. Тот, на котором меня нашел пастушонок. Хлесткий ветер гнал снежную колючую крупу почти параллельно земле. Стоял неуверенно и никак не мог понять, в какую же сторону мне следует идти. Справа нависала бурой тенью отвесная стена, слева пропасть с рычащей рекой в самом низу ущелья. Я видел себя со стороны. Словно был рядом. Я не помнил всего того, что происходило тогда, мне все виделось как вновь. Почему я потерял коня? Почему вовремя не успел покинуть узкую дорогу? Если заранее знал, что погода так быстро испортится. Я как ослепший бродил вдоль узкой тропинки, замерзая. Согнувшись от холода, ощупывая непослушными руками острые камни. Во мне, словно искорки, вспыхивали воспоминания. Что со мной происходило, был ли я болен, или причиной стал яд. Яд! Все вино, которое было в моем доме, привозил мне слуга Самата. Самат! Неужели ты смог променять нашу дружбу на призрачные посулы княжеского двора и знати! Что они тебе пообещали за мою голову?!

Снова позорный столб. Мое тело постороннее. Окоченевший кусок мяса. Рядом жарким пламенем полыхает крестьянский дом. Яркое пламя причудливо искажается в снежинках, застывших на ресницах. Человек в латах смотрит на меня. Тяжелый шлем прячет его лицо. Но я знаю, кто он. В руках обнаженный двуручный меч. Мало кто из опытных воинов может похвастать умением владеть подобным оружием. Да и фигуру отравителя не спутаешь.

Опять темно. Неужели Самат отправлял в мой дом вино, опасаясь только княжеской мести? Почему не предупредил? Почему не оставил шанса?

Заснеженный перевал. Я лежу возле павшего коня. Гнедой мертв, но его тело все еще теплое. Я пытаюсь согреться. Руки совсем не слушаются. Как холодно. Кровь замирает в жилах. Снежная буря не кажется мне сильной. Сквозь быстро бегущие облака проглядывает бледный диск солнца. Но я не могу пошевелиться. Все немощное человеческое существо протестует, хочет оставаться неподвижным. С огромным усилием я переворачиваюсь на бок и еще больше прижимаюсь к своему коню. Все тело трясет, ломает судорогами онемевшие конечности.

Мы встречаемся с ним взглядом. Он спокоен, и метель не может коснуться призрачного тела. Он смотрит на меня так, словно мы с ним давние знакомы и встретились после долгой разлуки. Я рад этой встрече, и даже мои непослушные губы чуть подергиваются, пытаюсь изобразить улыбку. Он улыбается мне в ответ. Он мой господин, настоящий господин, которому я обязан всем своим существом. Он словно соткан из снежных хлопьев, истинный Господин Метель. Белая шуба с пушистым воротником соскальзывает с его плеча и ложится в руки. Он укрывает меня заботливо, словно мать укутывает свое дитя в колыбели. В его руках книга, та самая. Неторопливо садится возле меня прямо на ледяной утес и открывает первую страницу.

Буквами вечных рабов
Прочитаю проклятье на стенах,

Алфавитом ушедших снегов
В четырех не моих катренах.

И белый метал, и красный
Пусты. Как кувшин после пира.
Вечный, верный и властный
Воин, слуга эфира.

И крылья мельницы дрогнут,
Провернут жернова тугие,
Кожу с костей сдернут
И одежды сорвут дорогие.

– Хатгар. Твой путь еще не окончен. У меня нет власти над тобой. Ты выше меня здесь. Я твой слуга. И теперь и всегда. Книга поможет стать истинным. Возьми. За тобой уже идет. Настанет время, и мы еще встретимся. Совсем скоро.

– Но кто ты?

– Я твой слуга, господин.

Глаза открывались тяжело. словно под веками был песок и толченное стекло. Я чувствовал тепло, оно как раскаленное масло сочилось по венам, оно жгло, и это было неприятно и даже больно. Странно, я не чувствовал боли, когда принимал удар стрел, пущенных братом из тяжелого арбалета в упор, а сейчас по-настоящему больно. Но я стерпел эту обжигающую ломку. Свет был вокруг, я чувствовал его тонкой кожей век, какой-то неяркий, приглушенный. Попробовал встать, но увидел прямо перед собой широкую спину человека, которого сразу и не узнал.

– Ваша одежда пришлась мне очень кстати, господин. Она такая теплая и удобная...

– Син?!

– Я рад, что вы узнали меня, и мне очень жаль, что такое произошло. Быть преданным собственными братьями, это нелегко осознавать.

– Что со мной?

– Теперь все хорошо, вы в безопасности.

Я поднялся и сел, поджав под себя чуть отекавшие ноги. Камни подо мной были шершавыми, холодными – отесанный гранит. Очень рельефный и выпуклый. Рядом стена с такой же грубой каменной кладкой. В щели между угловатых валунов торчал большой факел. Рядом, на треножнике, широкая чаша дровяного светильника. Когда глаза немного привыкли к свету, я смог рассмотреть небольшую пещеру, в которой находился. Она скорее походила на зал, но с низким потолком и совсем необжитая. Вокруг меня был очерчен углем неровный круг с причудливой вязью таинственных знаков. Вдоль стен сидели люди в измятых, частично разрушенных доспехах, залитых кровью.

– Син! Что происходит?

– Ах, это. – Странник махнул рукой. – Это те, кто пытался вас убить, там, в деревне. Или по-прежнему думаете, что это очередной сон, морок, видение. Теперь их жизнь принадлежит вам. Они приняли смерть от вашей руки, и жизненная сила, покидающая бранные тела, теперь течет к вам, питает, пополняет утраченное.

Я невольно распахнул рубашку и ощупал те места, где должны были остаться дыры и порезы. Шрамы виднелись, но складывалось такое впечатление, что они были там всегда и очень давно зарубцевались.

– Мой господин. Силы вернулись к вам снова, и никто в этом мире не сможет остановить их течение. Вы хотели найти храм духа. Это место и есть храм. Сейчас мы находимся как раз в одном из его залов, из тех, что открыты.

– Кто ты, Син?

– Я странствующий дух. Дух смерти, если угодно. Я прихожу к тем, кого ждет скорая кончина, и говорю им об этом, вот только не всегда слышат.

– И ко мне ты пришел поэтому?

– Нет. Ты не в моей власти. И к тебе я пришел как к равному.

– Равному?! Дух смерти приходит ко мне как к равному!

– Моя внешность так же обманчива, как твердыня облаков. Я могу быть кем угодно.

Я попробовал встать. Словно ничего и не менялось. Действительно по-прежнему был полон сил. Жжение во всем теле немного беспокоило, но от него можно было отвлечься, не обращать внимания на такое мелкое неудобство. Син продолжал сидеть возле стены, глядя на то, как я осторожно ошупываю себя. Теперь в нем нельзя было узнать того нищего ученого, который причитал и вымаливал прощение, стоя на коленях в моем доме. Теперь он был полон достоинства и смотрел дружелюбно и спокойно. Так, словно мы были с ним давние друзья. Какой удивительно знакомый взгляд. В руках он держит книгу, ту самую. Книгу, которая перевернула всю мою жизнь так стремительно.

– Там, на перевале, это тоже был ты?

– Да, господин. Я всегда был рядом. И тот мрачный и молчаливый Ур – кузнец в доме твоего отца – это тоже был я. И глуховатый учитель фехтования, угрюмый ветеран. У меня множество лиц, я твой ангел-хранитель, твой поводырь и слуга.

– Дух смерти мой ангел-хранитель?!

– Каково это узнавать?

– Льстит.

– Мне тоже. Я так рад, что именно ты стал моим господином. Ты был достоин и никогда не гнал от себя все мои подсказки и поучения. Ты был мудр не в пример твоим братьям и друзьям. – Син встал и быстро прошел вдоль стены к одному из воинов. Ловким движением снял с него шлем. На меня смотрело остекленевшим взором мертвое лицо, искаженное смертью, но очень знакомое. – Самат дорого заплатил за свое предательство. И он и весь его род теперь будут помечены этим позором, пока кто-нибудь не сможет искупить вины согрешившего предка.

– Но я вроде бы помню, что видел его живым как раз в тот момент, когда меня привязали к позорному столбу.

– Твой клинок отравлен. Забыл?

– Забыл? Скорее «нет», чем «да». Все еще путаю сон и реальность. Отравлял клинок во сне или наяву – не уверен.

– Он умер от яда, в то время как сам пытался отравить вас. Подобное к подобному. Если это не справедливость, то что тогда? В драке вы только вскользь задели его за кисть клинком, и яд сделал свое дело.

Я наклонился, чтобы взглянуть в глаза Самата. Он был словно восковая фигура. Кукла, совершенно лишенная жизни. Весь осунувшийся, бледный. Если бы мне не сказали, что это мой бывший друг я бы так и не узнал в этом трупке Самата.

Син подошел к еще одному воину, прислоненному к каменной стене.

– Гурам. Гвардеец, еще один незаконнорожденный сын князя. Бесчестный ублюдок. Строил планы избавиться от вас всех, потомков чистых кровей, благородных дворян, и занять княжеский трон. Вел переписку со жрецами Марака. Очень скользкий тип. Его ты убил первым. Не знаю, как распознал в нем самого опасного из противников, но думаю, что мои уроки фехтования не прошли даром.

– Мне так сложно все это понять, Син. Все те видения, которые преследовали меня. Эта книга. События в городе, перевал.

– Тебе было очень тяжело. Я понимаю. Яд в крови убивал медленно, я мог избавить тебя от смертоносного действия, но от видений, которые он вызывает, – увы. Только своим присутствием, советами, подсказками.

– Так, значит, все, что происходило со мной в городе, это...

– Не больше чем видение, – подхватил Син. – Твое собственное воображение и мои умело расставленные декорации.

– А руны и легенды, магия, заключенная в книге?

– Страницы этого манускрипта пусты, мой господин. Они всегда были пусты и никто не смог вписать в них хоть строчку. Используя видения, я смог передать тебе те знания, которые необходимы в поиске храма. И вот ты здесь. Человек, не осознавший необходимости поиска, никогда не попадет в это место. Таково условие зова, приглашения.

Син переместился к следующему гвардейцу. У этого шлем был просто расколот на две неровные части. Гвардеец был стар. Лет шестидесяти, не меньше, его лицо показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить.

– Неужели этого тоже я убил?

– Не совсем, свои же забили. Это тот несчастный, которого ты использовал в качестве живого щита. Ему не повезло больше всех, ты помнишь его?

– Его лицо было скрыто. Я и не видел даже.

– Нет, я не о том, это тоже твой родственник. Двоюродный брат отца.

– Камень-князь Андрей! – воскликнул я удивленно. – Я помню его совсем молодым! А этот уже старик.

– Нет. Это не Андрей.

– Антуан. Как, однако, время меняет людей. Он всегда был щедр и за любую услугу с легкостью награждал серебряной монетой. Щедрый был придворный.

– Виктор украл его дочь и спрятал в одном из своих замков на юге, но Антуану сказал, что это ты выкрал ее и увез к себе в горы.

– Наверное, стоило мне это сделать. Насколько я могу вспомнить, его дочь была милой.

– Ненавидя Виктора, бедная униженная девушка от горя выбросилась со словами проклятия из окна башни.

– Очень жаль и ее, и обманутого отца.

– Он не хотел тебя убивать, – продолжал рассказывать дух, медленно вышагивая вдоль круга. – Он просто недоумевал, почему ты выкрал ее словно дикарь, а не прислал сватов или еще как-то дал знать о своих намерениях. Он считал тебя человеком чести.

Теперь все это казалось мне далеким, чужим. И раньше не вызывало особых эмоций, а теперь и вовсе не интересовало. Вся прежняя жизнь казалась не больше чем дурным балаганом. Хотя в какой-то степени так оно и было.

– Как твое имя? Я имею в виду настоящее имя, а не то, которое обозначает одну из твоих масок.

– Ты действительно хочешь знать это?

– Да. Мне кажется, это даст возможность, надежду многое понять.

– Синасир-Дидар. Если угодно.

– ...Бойся смертный приблизиться к указанному месту незванный, – процитировал я строки из книги. – Ибо встретишь ты там смерть свою или вовсе лишишься смерти. И имя ее будет моим именем.

– Ты даже запомнили то, о чем я предупреждал. Вот ты и встретился со мной, и лишился меня.

Я пристально изучал пространство вокруг. Надо сказать, что зал был довольно тесный, а низкий потолок делал его похожим на склеп. Тем не менее у дальней стены виднелись ворота. Широкие, окованные железом, с замысловатым узором на массивных петлях.

– Это и есть ворота в храм?

– Да, там нет границ и пределов. Там полная неизвестность, и всякий, кто пройдет через них, может кануть в небытие или вознестись до самых вершин.

– Лабиринт?

– Можно сказать и так. Да это, пожалуй, одно из самых сложных испытаний, которое предстоит пройти любому искателю знаний. И если ты считаешь, что не готов, я укажу путь обратно, в твои земли.

– Чем навлеку на себя еще большие беды. Ну уж нет. Мне достаточно того, что меня один раз уже попытались убить.

В ответ на это Син только улыбнулся и неопределенно качнул головой, то ли соглашаясь, то ли насмехаясь над всем сказанным. Складывалось впечатление, что дальше он не будет вмешиваться в мои действия. Если я шагну к воротам, он непременно останется здесь и не пойдет вслед за мной. Хотя, почему я решил, что он должен следовать туда же, куда и я?

– Если я правильно понял, то у меня есть ключ от этих ворот.

– Есть. Но сам по себе этот ключ не даст возможности их открыть. И я не смогу помочь. В этом месте я не в силах переступить круг. Звучит странно, но у духа смерти тоже есть свои ограничения.

Я достал клинок, переложил в левую руку, а в правую взял факел, торчащий в стене. Почему-то задержался на некоторое время перед дугой круга, прежде чем переступить. Син продолжил стоять в полумраке, наблюдая за моими осторожными действиями. Я обернулся.

– А книга? Она нужна?

– Страницы пусты, мой господин, зачем лишний груз в долгом путешествии.

– Оружие? – спросил я, глядя на доспехи и мечи недавних своих противников.

– Оружие тоже груз. Да и чего стоит хороший меч против огня или ветра? А щит не спрячет от холода.

Больше я не оборачивался, прошел вдоль зала не торопясь, внимательно оглядываясь по сторонам. Ничего, кроме каменных стен, не было. Ни арок, ни ниш, ни единой надписи. Хоть чего-то оберегающего или предупреждающего об опасности. Может, и не было никакой опасности. И с чего я вдруг решил, что это опасно? Там нет определенности, там полная неизвестность, но мне было страшно. Я, наверное, впервые в своей жизни по настоящему боялся того, что ждет за этими воротами. Неизвестность. Это опасней, чем выставленный тебе навстречу острый клинок. Это пугает больше чем предательство. Это то, перед чем я не мог преодолеть свой страх.

Вблизи ворота оказались просто невероятных размеров, словно рассчитанные на исполинов и великанов. Потолок стремительно и круто уходил вверх. Человек казался перед ними мелким насекомым. Тем не менее механизм замка виднелся как раз на уровне глаз.

Я с интересом изучал причудливую пластину, украшенную загадочным узором из переплетающихся линий, образующих множество разнообразных фигур. Пластина замка казалась выполненной из золота, но тусклого. Да и на ощупь казалась твердой, как сталь или бронза. Щель в створках ворот еле угадывалась, хотя еще секунду назад она была хорошо заметна. Еще мгновение – и тяжелая капля металла скользнула вниз по пластине, гулко шлепнулась на каменный пол. Узор таял, словно воск. Как расплавленный свинец, перетекал, рушился, смытая чудесную вязь, оставаясь при этом холодным, как и был прежде. Я невольно сделал шаг назад, и в эту самую секунду металл словно взбесился. Он рухнул под ноги как водопад, образуя огромную, бурлящую лужу. Все происходило слишком быстро. Оживший металл обрел новую форму, вздыбился и предстал передо мной в виде чудовищной змеи. Изящное металлическое

тело, украшенное все тем же узором, что был и на личине, извивалось и с характерным звоном билось о камни. Напасть на меня ей не позволял тонкий на вид ошейник и цепь, прикрепленная к створкам ворот. Зловещее существо попыталось дотянуться до моих ног хвостом, но я сделал еще шаг назад. Похоже, что отступление и неуверенность только придавали сил этой твари. Цепь натягивалась и звенела, готовая порваться в любой миг. Отступать было поздно. Факелом в правой руке я провел перед собой, создавая некое подобие выпада. Такое действие еще больше разозлило монстра. Что-то подсказывало, что еще один шаг назад станет последним. Страж непременно сорвется с поводка, и тогда у меня вовсе не останется шансов. Что и говорить, такие двери открывать еще не приходилось. Может, это очередной сон? Мираж, декорация, выставленная духом смерти, или видение, которое он насылает на меня?! Как удобно искать спасения, ускользая от реальности в мир грез.

В свете факела появился мой учитель фехтования. Проступил расплывчатым силуэтом из тьмы. Он выглядел еще старше и казался каким-то отрешенным, не живым. Взгляд его устремлялся в сторону, и голос звучал чуть приглушенно. Действительно призрак.

– Похоже, что твой страх нашел-таки себе союзника! – оскалился ветеран.

Я обернулся и взглянул на то место, где недавно говорил с Сином, у круга, очерченного углем. Светильник по-прежнему неуверенно разгонял тьму, а сам Син стоял там и смотрел на меня, улыбался добродушно и искренне. Нас разделяло не меньше двадцати шагов, но голос учителя продолжал звучать из мрака впереди меня.

– Твой клинок – это только внешнее проявление силы. Истинная сила скрыта от глаз и потому может быть поражена даже без оружия. Страх убивает отвагу и уверенность в себе скорее, чем враг и его острая сталь.

Я уже не слышал слов. Уверенно скользнул в сторону, отбрасывая факел. Переложил клинок в правую руку и тут же нанес один из самых сложных ударов, которыми владел. Отточенное лезвие вонзилась в металлическое тело, словно это была живая плоть. Змея попробовала обвить меня, набрасывая на руки упругие кольца, но я резко провернул клинок, и мир вокруг мгновенно замер. Даже пламя факела словно перестало колыхаться, застыло.

Яркий свет резанул по глазам. Беззвучно тяжелые створки ворот расходились в разные стороны. Невольно я прикрыл лицо ладонью и отвернулся. Руку, сжимающую клинок, словно кто-то задел, и я отдернул ее.

Подул сильный ветер, влажный и довольно холодный, но я не обратил на это внимания. Шурясь, привыкал к свету. Очертания зала проступили в ровном белом сиянии. В темноте понять его истинные размеры и формы было просто невозможно. Теперь он был пуст. У стены все так же лежали трупы солдат. Горел светильник, но ни Сина, ни моего учителя, ни ужасного стража в виде змеи больше не было.

Запахнув полы шубы, я спокойно вошел в открывшиеся настежь ворота. Это был единственный выход из этого странного зала. Как я попал туда раньше, уже не имело значения. Все, что было прежде, теперь отсекали эти холодные своды.

Под ногами шуршали мелкие и очень гладкие камни. Я стоял в тени громадного утеса у себя за спиной, а передо мной до самого горизонта тянулось бесконечное водное пространство, насколько хватало глаз.

– Море?! – прошептал я одними только губами, сам не веря своим глазам.

Попробовал сделать еще шаг, но словно тонкая паутина коснулась кожи, мешая двигаться дальше. Она казалась упругой и липкой, оставаясь совершенно невидимой. Интуитивно, не очень-то задумываясь над своими действиями, я как бы отодвинул ее в сторону, и все, что окружало, приобрело новые запахи и краски. Стало более ярким и сочным, живым, а не плоской картинкой. В какой-то краткий миг просто ожило.

Син говорил, что за воротами лабиринт. И мне нет причин не верить его словам. Выходит, море и есть часть того самого лабиринта, сквозь который мне придется пройти?

Взор стал уже различать мелкие детали, и было не так больно глазам от света. Я обернулся, но за моей спиной был только утес. Огромные каменные глыбы – и ни единого намека на какие-то ворота или двери, из которых я только что вышел. Ничего. Туши мокрых поросших мхом камней замерли причудливыми скульптурами.

Кто мне говорил, что лабиринт это стены, тупики и ловушки? Сеть запутанных коридоров и потайных проходов. Лабиринт, в первую очередь, это моя собственная голова, мои страхи и опасения, мои пороки и добродетели. Лабиринт находится в каждом из нас, и мы проходим сквозь него на протяжении всей своей жизни.

Я бродил вдоль берега вот уже несколько часов. И ничего не менялось. Все тот же утес, все то же спокойное море с вялыми и даже какими-то ленивыми волнами, все та же мелкая галька, шуршащая под ногами. В какую сторону я бы не шел, пейзаж не менялся. Порой казалось, что стою на месте словно прилепленный, сколько бы шагов ни сделал в ту или иную сторону. Солнце, хоть в самом зените, похоже, не двигалось вовсе, было холодным и тепла не приносило. Стоило только подумать о холоде, о возможности погреться у костра, как тут же на глаза попался небольшой лепесток пламени, хорошо заметный в тени утеса. Он горел одиноко и не привлекал внимания. Не торопясь, но и не медля, я направился к нему. Это явление и костром назвать было нельзя. Горели словно сами камни, облитые земляным маслом, но не коптели, не источали зловоний. Огонь был неяркий, чуть голубоватый, то и дело перемещался из стороны в сторону, как бы ища для себя новую пищу. Он то становился крошечным и почти исчезал из виду, то вновь вспыхивал, найдя себе какой-то скрытый источник силы. Мне не попадались на глаза ни кустарники, ни деревья, ни хотя бы засохшие водоросли. Ничего, что могло послужить топливом огню.

Порывшись в своих карманах и в мешочке на поясе, я нашел только горсть вяленого мяса и трут, с помощью которого обычно разводил огонь сам. Все это я подбросил в чахлое пламя, мерцающее между камней. Не веря тому, что рядом не окажется хоть каких-нибудь дров, я отошел немного в сторону, и, как оказалось, очень вовремя. Несколько крупных булыжников отлетели с тяжелым стуком, и из-под камней появился крупный, размером с тарелку, паук. Вернее, это было что-то очень напоминающее по форме паука, словно полыхающего, сотканного из мелких огненных перьев, маленьких язычков. Паук был быстрый и проворный. Существо с жадностью набросилось на трут и мясо. Оно подгребало их лапками, и быстрые всполохи, составляющие его тело, становились ярче и трепетали все чаще.

Я зачарованно наблюдал за тем, как удивительное создание пожирает принесенную жертву, и не мог отвлечься ни на что другое. Когда же все подношения превратились в обгоревшие угли, паук приподнял передние лапы, окутался голубым сиянием и словно разделился. То есть пауков стало двое. Один, тот, что был побольше, как и прежде стал зарываться обратно под камни, а второй, совсем крохотный, остался возле меня. Он пробежал вокруг ног, словно обнюхивал, и замер, чего-то ожидая. Может, новых подношений? Но мне нечего было ему предложить. Паучок ждал. Терпеливо и очень сосредоточенно. Пошарив еще раз по карманам и складкам, я наткнулся на щепочку, думаю, что однажды использовал ее как зубочистку, и она случайно завалилась в складках. Не успел я протянуть огненному паучку эту щепку, как шустрое создание прыгнуло ко мне в руку, которую я чуть не отдернул, и принялось терзать кусочек дерева. Это было так странно. Если отвлечься от мысли, что пляшущий на ладони паучок соткан из языков пламени, то можно подумать, что он живой и похож на маленького котенка, такого же теплого и беззащитного. Пламя совсем не жгло, более того, казалось в руке приятным и нежным, так и думалось, что вот-вот замурлычет. Тем временем паучок расщепил лучинку вдоль на две части, одну стал пожирать сразу, а со второй заигрался. Он то бросал на нее крохотный огненный лепесток, то снова забирал его себе.

Я еще раз внимательно осмотрелся. Теперь большой огонь, породивший это забавное существо, – исчез. Словно его никогда и не было.

Играть со щепкой паучку быстро надоело, и он стал изучать меня. Оставаясь таким же теплым и мягким, словно зверек, юркнул мне под шубу и стал возиться в широком рукаве, щекотал, вертелся. Потом объявился на белом полотне рубашки, залез под ворот и словно прошел сквозь грудную клетку, облюбовав себе место где-то около сердца, как мне показалось. Он еще некоторое время шевелил лапками, устраиваясь поудобней, а потом затих и, наверное, уснул. Я ощущал только приятное тепло как нежное прикосновение дружеской руки.

И тогда у меня началась череда видений. В этот раз я точно разделял, видел как бы параллельно, не свой собственный поток мыслей. Мне привиделось огромное, просто неопишуемых размеров пламя, бушующее, как безбрежный штормовой океан. От навалившихся образов и вспышек пошатывало, все вокруг мерцало, становилось с ног на голову. Было сложно определить, где верх и где низ. Реальности наслаивались одна на другую, путались, и в то же время что-то входило внутрь помимо воли. Это вызывало странные чувства. Чувство ликования и блаженства, полноты и завершенности одновременно. Огонь говорил со мной языком пламенных образов, огненными картинками. В считанные мгновения он рассказал о том, кем он был и кем стал. Отдал, как сокровенный дар, историю своей вечности. Что видел во всех мирах, где побывал, и что осталось для него недоступным и неясным. Я сам в этот миг стал воплощенным огнем, прожившим полноценную жизнь, который будет жить вечно, до самого конца творения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.